ТРАНЗИТ

литературно-художественный
и общественно-публицистический
ежемесячный журнал

1-2011

В номере публикуются:

Роберт Сойер
Сесилия Дарт-Торнтон
Сергей Трофимов
Shala
dexter
Татьяна Адаменко
Кир Луковкин
М. Лисоковский
Филипп Кюрваль
Мария Седакова
Жерар Клейн
Лоренс Трит

Правила Хайнлайна
Роберт Сойер 4

Влияние фольклора
Сесилия Дарт-Торнтон 6

И тогда пришел ангел...
Сергей Трофимов 8

Радужный мир
Shala 12

Пограничники
dexter 16

Немного лунного света
Татьяна Адаменко 18

На выгодных условиях
Кир Луковкин 21

Как поймать деда мороза
М. Лисоковский 26

Римская история
Филипп Кюрваль 28

Интервью
Мария Седакова 32

Место на балконе
Жерар Клейн 38

Химическая реакция с математическим финалом 36

А может быть убийство?
Лоренс Трит 42

ПРАВИЛА ХАЙНЛАЙНА

Роберт Сойер

Существуют бесчисленные правила, «гарантирующие» молодым писателям неизменный творческий успех. Самые известные из таких директив — по крайней мере, в жанре научной фантастике — были составлены Робертом Хайнлайном. Он обычно говорил, что с радостью раздавал их налево и направо, несмотря на то, что они могли увеличить число его конкурентов. Он прекрасно понимал, что почти никто не последует его советам. И, по моему опыту, это истинная правда. Если мы с вами возьмем сто начинающих писателей, то при проверке каждого из правил наш список будет уменьшаться ровно на половину. То есть, 50% авторов не будет следовать им.

Позвольте мне рассказать вам о пяти правилах Хайнлайна, к которым я добавлю одно свое (шестое).

1. ВЫ ДОЛЖНЫ ПИСАТЬ

Звучит нелепо, верно? Но на самом деле это очень трудное правило. Если вам захотелось стать автором, вы не можете ограничить себя лишь разговорами о написании книг. Недостаточно ходить на курсы литераторов и читать тома о тонкостях творческой работы. Вам придется собраться с силами и написать свое произведение. А единственным способом для этого являются два действия — сесть за стол и приступить к работе.

И не нужно жаловаться, что у вас не хватает времени для полноценного творчества. Настоящие писатели покупают каждый лишний час, если не могут получить его иным образом. Возьмем, к примеру, Теренса Грина – преподавателя английского языка в одной из школ Торонто. Свою третью книгу «Тень Прохладной страны» он написал, уволившись с работы. Парень в течение года выслушивал ласковые напоминания супруги о том, что он, фактически, живет на ее иждивении. И я знаю множество других писателей, которые шли на схожие жертвы ради искусства.

Из нашей сотни претендентов на звание литературного автора половина не прилагает к писательской работе никаких усилий. Поэтому мы остаемся с пятьюдесятью кандидатами...

2. ЗАКАНЧИВАЙТЕ ТО, ЧТО НАЧАЛИ

Вы не узнаете, как пишутся книги, пока не завершите текст. Да, первые несколько страниц могут показаться вам слабыми. Вероятно, вам захочется выбросить их. Но не делайте этого! Когда вы создадите рукопись с началом, серединой и окончанием, вас удивит, насколько просто и легко пройдут все правки и улучшения. Однако вы никогда не обретете мастерства в развитии персонажей, в составлении сюжетных планов и интриг, пока не завершите свое произведение.

Если вы участвуете в литературных студиях и мастерских, не позволяйте людям критиковать ваши главы – хотя бы какое-то время. Никто не сможет правильно оценить вашу книгу по выложенному там фрагменту. Поэтому не стоит прислушиваться к таким бессмысленным советам, как “Эта часть не годится. Вам лучше отказаться от нее”, “Нет, первые двадцать страниц не цепляют...”

Из наших пятидесяти претендентов половина никогда не заканчивала ни одного произведения. Осталось двадцать пять...

3. ВЫ ДОЛЖНЫ ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ ПЕРЕПИСЫВАНИЯ ТЕКСТА, ЕСЛИ ТОЛЬКО ОБ ЭТОМ ВАС НЕ ПОПРОСИТ РЕДАКТОР

Это правило ставит Хайнлайна в противоречие со многими учителями литературного творчества. Возможно, более гибкая формулировка была бы такой: “Не переделывайте бесконечно вашу историю.” Вы можете потратить уйму времени на модификации, пересмотр и полировку текста. Существует старая пословица: «История не заканчивается до тех пор, пока ее не бросают.» Научитесь прощаться с вашими историями.

Если вы хотите подправить часть текста, делайте это только на ранних стадиях работы. Не увлекайтесь переделками. Когда птенец вырос, его нужно вытолкнуть из гнезда. Многие начинающие писатели не верят Хайнлайну, но он прав. Когда ваша история будет близка к публикации, издатели подскажут вам, что нужно будет сделать для ее усовершенствования.

Из наших оставшихся двадцати пяти кандидатов двенадцать не выпускают текст из рук и выбывают из игры. Оставшиеся претенденты заявили о написанных произведениях. Двадцать пятый автор, рассеченный пополам, в отчаянии ищет свои ноги.

Роберт Сойер входит в десятку самых успешных канадских авторов. Он издал 15 романов и получил 25 национальных и международных наград.
Вы можете посетить его сайт: http://www.sfwriter.com

4. ВЫ ДОЛЖНЫ ВЫСТАВИТЬ СВОЮ ИСТОРИЮ НА КНИЖНЫЙ РЫНОК

Это самое трудное правило для всех начинающих авторов. Вы не можете самостоятельно объявить себя писателем. Данный титул дается вам теми людьми, которые готовы платить деньги за ваши слова. Пока ваше произведение не ляжет на стол издателя, вы можете считать себя гением, не хуже Уильяма Гибсона или Стивена Кинга. Но проверка этих домыслов требует крепких нервов. Начинающим авторам трудно преодолеть свой страх.

Я знавал одного канадского писателя, который откладывал письмо к издателю целых два года. Иногда он даже ссылался на отсутствие марок. В конечном, счете, я вышел из себя и сказал, что ему нужны не марки, а хребет. Он боялся узнать правду — насколько востребована его проза. Не следуйте его примеру. Отправляйте ваши труды издателям.

Из двенадцати оставшихся писателей половина не находит отваги и не отсылают свои произведения в редакции. У нас осталось только шесть претендентов...

5. ВЫ ДОЛЖНЫ ОСТАВАТЬСЯ НА КНИЖНОМ РЫНКЕ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ТЕКСТ НЕ КУПЯТ

Хотите услышать печальный факт? Ваши работы будут отвергать все время. Почти наверняка ваша первая попытку окажется неудачной. Но пусть это вас не останавливает. На данный момент в моем досье хранится 142 отказа. Многие профессиональные писатели коллекционирует их наравне со свидетельствами своих успехов. Пару лет назад я был на лекции известного канадского писателя ЭдованБелкома. Она называлась “Преуспевай в полученных отказах”.

Если отказное письмо содержит советы, это очень хороший знак. Быстро переделайте текст и вновь отправьте его. Если никаких советов не имеется, посылайте текст в какое-нибудь другое издательство. И не останавливайтесь на двух-трех попытках. У меня был случай, когда я отправлял одну новеллу в 18 разных издательств. Наконец, она нашла для себя хороший издательский дом. В последствии ее переиздавали в шести антологиях. Поэтому мой вам совет: если вам отказали, отправьте текст в другое издательство – причем, в тот же день!

Из шести оставшихся кандидатов трое разочаровались после первого отказа и решили прекратить свою литературную деятельность. Но оставшиеся трое претендентов по-прежнему держатся на плаву...

6. НАЧИНАЙТЕ РАБОТАТЬ НАД ЧЕМ -ТО ЕЩЕ

Это мое собственное правило. Я видел тысячи начинающих писателей, которые годами работали над одной историей или романом. Это неэффективно. Как только вы заканчиваете один текст, начинайте другой. Не ждите, когда первая рукопись вернется от издателя. Приступайте к работе над следующим проектом. Часто о профессионалах рассказывают байки: будто бы они имеют свой производственный план страниц на каждый день недели. Так вот это правда! И если вы хотите стать профессиональным писателем, работайте, не покладая рук.

Из нашей сотни потенциальных авторов лишь пара человек готовы следовать перечисленным правилам. Относитесь ли вы к ним? Я надеюсь, что ваш ответ будет положительным. Поэтому, если вы обладаете искрой таланта и выполняете эти шесть правил, у вас все получится!

ВЛИЯНИЕ ФОЛЬКЛОРА

СЕСИЛИЯ ДАРТ-ТОРНТОН

Используя в текстах древние поверья, я старюсь сохранить их чистоту. Прежде всего, эти истории овеяны временем и рождены человеческим духом. Их главная привлекательность в чистоте традиции. Воздействие легенд на человеческую психику было столь мощным, что они пришли к нам через многие поколения. Фактически, они обрели бессмертие, сначала передаваясь вербально, а затем кристаллизируясь в письменной форме.

У современных писателей возникла тенденция на гуманизацию древних мифов и легенд. Они пытаются менять суть магических существ, синхронизируя их с нашим временем. В результате мифы ломаются, их целостность разрушается, а первоначальная сила теряется. Сказочные существа в их примитивной форме делили некоторые характеристики с нашими современниками, но определенно не все. Например, водяная фея, нападая на жертву, не вопила от ярости и голода. Она просто поднималась из воды и заявляла (в стихах или в прозе), что хочет выпить кровь из сердца мужчины.

Злые тролли и гобблины не нападали на человеческие города, группируясь в орды и армии. Они действовали малыми группами или в одиночку. Существовали нерушимые законы, в соответствии с которыми они атаковали людей и мучили их. Многие злобные существа не могли переступать порог дома без предварительного приглашения. А если человек не выказывал страх, сила магического создания уменьшалась или иссякала полностью.

Гуманизм магических созданий – нонсенс! Рассматривая их поведение в человеческих терминах, мы приходим к единственно верному выводу -- злые существа беспощадны. Это качество они получили изначально от первых творцов легенд и мифов. И они сохраняли его долгое время до наступления нынешней «гуманизации». Возьмем, например, мифическую тварь, называемую "Шоко" или «Шок». Она напоминала голову осла, с гладкой бархатистой шкурой. Люди видели ее висевшей на воротах. Когда кто-то пытался погладить или снять ее с ворот, Шоко откусывала руку любознательного человека и исчезала из виду. Появление такого существа в легендах вызывает страх и странное очарование. Истории о нем иллюстрировали людям, каким безжалостным являлся мир, и как много странных непредсказуемых существ населяло его.

Естественно, если мы «гуманизируем» Шок, чистота его образа будет утрачена. Вот, почему я не ободряю ласковых оборотней и добрых вампиров, наводнивших современные книги. И вот, почему, вплетая старые поверья в мои истории, я стараюсь сохранить их феерическую беспощадность и непредсказуемость. Мне нравится видеть магических существ в своей среде обитания – когда они остаются самими собой быть. В моих альтернативных мирах они описываются, как "часть экологии". Иными словами, они обязательно привязаны к некому элементу природы: например, к воде или подземным пещерам, к флоре или фауне.

Если говорить о сплетении сказок с моими историями, то тут я обнаружила интересный факт: при длительном изучении фольклора древние мифы и истории проникают в подсознание. Затем, когда я пишу роман, и сюжет начинает раскручиваться, старые поверья и притчи сами возникают в моем уме и вплетаются в текст – причем, в нужные моменты и самым естественным образом.

Конечно, когда мне удается найти в архивах забвения какую-то древнюю историю и принести ее в наш 21 век, это вызывает у меня восторг. Прежде чем написать "Заклятие немоты", я несколько лет изучала фольклор Британских островов. Знали бы вы, сколько пыльных томов я перечитала в библиотеках. И затем я поняла, что мой вымышленный мир будет изобиловать существами из британского фольклора. Поэтому многие магические создания в трилогии "Горькие узы" срисованы со страниц моих фольклорных записей.

ИНТЕРВЬЮ

СЕСИЛИЯ ДАРТ-ТОРНТОН

Вач: Как Интернет повлиял на ваши отношения с читателями и издателями?

С. Д-Т: Интернет был и остается важным элементом моей писательской карьеры. Он действительно изменил мои отношения с читателями и издателями. Во-первых, Интернет оказался ценным инструментом поиска. Во-вторых, он позволяет мне находить бесценные рукописи по фольклору. В-третьих, с его помощью я присоединилась к онлайн литературной мастерской, которую курировал известный издатель научной фантастики и фэнтези, работавший в "Дель Рей". Благодаря контактам с этим человеком, я опубликовала трилогию "Горьких уз" в издательстве «WarnerAspect". В-четвертых, без электронной почты я полдня болтала бы с издателями и литературными агентами из многих стран мира. Или играла бы с судьбой, посылая рукописи по факсу. В-пятых, я могу контактировать с такими людьми, как вы, и общаться с русской аудиторией. И, наконец, мой сайт предоставляет читателям доску сообщений, новостную колонку, почту, пулы и другие интерактивные ресурсы. Они позволяют мне остаться в контакте с моими поклонниками. С их помощью читатели знакомятся с литературной стороной моей жизни, узнают о лекциях, чтениях и литературных конференциях. Интернет -- это благо для меня.

Вач:Расскажите нашим читателям, как вы издали первую книгу?

С. Д-Т: Работа с трилогией "Горьких уз" заняла у меня 12 лет. После этого я потеряла объективность и уже не имела представления, насколько хорошими получились книги. Боясь отправить рукопись издателю и умереть от сердечного приступа, получив письмо с отказом, я выложила половину первой главы на вэбстранице в литературной мастерской, которую курировал издатель «Дель Рей». Текст вызвал множество положительных откликов. Один из администраторов сайта дал мне координаты литературного агента. Тот направил манускрипт "Заклятия немоты" издательскому подразделению медиа-гиганта «Тайм Уорнер». Через несколько дней это издательство купило все три книги трилогии. И что самое главное, они впервые издали нового автора в твердой обложке!

Вы можете посетить сайт Сесилии Дарт-Торнтон: http://www.dartthornton.com

И ТОГДА ПРИЩЕЛ АНГЕЛ...

СЕРГЕЙ ТРОФИМОВ

Каждый год, устав от холода своих сердец, люди зажигают огоньки на рождественских елках и начинают ждать чуда. Кто-то надеется на лучшие дни, кто-то молит о долгожданной встрече. Кому-то хочется здоровья, денег или признания заслуг. И, зажигая свечи, люди верят, что на этот раз небесный ангел не пролетит мимо их окон.

Каждый год в канун Рождества в Риге случается семь чудес — шесть маленьких и одно большое. Я знаю, вы скажете, что этого мало. Поверьте, мне тоже хотелось бы, чтобы их было больше. Но чудеса — не картошка, и их на килограммы не измеришь. Так уж повелось: семь чудес на Ригу, и точка. Видно, много в мире других городов и сел, где у каждого окна поджидают люди легкокрылого ангела.

В прошлом году одно из чудес произошло на моем участке — как раз, стало быть, там, где я мету тротуары и разгоняю метлой обрывки ваших ночных кошмаров.

В то утро к ребятам в приют пришла выпускница воскресной школы, и детей после завтрака собрали в большой игровой комнате, где в центре стояла нарядная елка с горящими лампочками и бумажными гирляндами. Всю дошкольную группу рассадили на низких скамеечках, и девушка, с Библией в руках, рассказала им о рождении Иисуса Христа, о вифлеемской звезде и трех волхвах. Малыши слушали ее, открыв глазки и пухленькие рты, а потом тянули руки и задавали свои детские вопросы.

— А правда, что ироды живы?— спросила Таня, у которой маму "посадили ни за что". — Когда нам отключили отопление, баба Маша сказала, что это сделали они. Ироды проклятые!

Дети одобрительно засмеялись и вопросительно посмотрели на девушку из воскресной школы.

— Царь Ирод умер и попал в ад за свои грехи, — ответила она, поправляя на груди белый бант.— Ваша няня имела в виду людей, которые забыли, что у них есть сердца.

— Но ведь детей избивают до сих пор, — выкрикнул Виталик.— Вот мы с Витькой попали в распределитель, и там...

— Замолчи! — оборвала его воспитательница. — Мы сейчас говорим о Рождестве.

И девушка рассказывала, каким великим и щедрым был Иисус, как он творил чудеса и исцелял людей.

Витька толкнул Виталика в бок и тихо зашептал:

— Баба Маша говорила, что в ночь на Рождество случаются всякие интересные дела. Она сказала, что если мы будем вести себя хорошо, к нам может прилететь с неба ангел.

— Ну и что?

— А то! У него, между прочим, можно попросить, что хочешь! Я бы, знаешь, что попросил? Чтобы меня забрала к себе батькина сестра. Она живет у Лиелупе, почти на самом берегу. Представляешь? Пляж! Купайся все лето хоть до самой ночи...

Воспитательница погрозила им пальцем, и оба мальчика сосредоточенно уставились на девушку с белым бантом.

Виталик вспомнил мать и сестру. Его глаза затуманились от непрошеных слез. Так уж случилось, что два года назад сожитель матери разбил ему голову и выбросил за дверь. Был суд, и Виталика поместили в приют. Он пять раз убегал домой, и однажды мать, прижав его к себе, сказала, что если бы не алкоголизм, они жили бы нормальной семьей. И теперь Виталик знал, что ему спросить у ангела.

— А как он к нам пройдет?

— Что ты говоришь? — переспросил его шепотом Витька.

— Как ангел к нам пройдет? Баба Маша закроет дверь на ключ, а на окнах — решетки.

— Не знаю. Спроси вот у этой!

Виталик поднял руку, спросил об ангелах, и девушка сказала, что для них нет преград. Она присела с детьми, и ее голос зазвучал как серебряный колокольчик.

— А если я попрошу ангела о чем-то, он исполнит?-- допытывался Виталик.

— Конечно, если просьба твоя будет чиста.

— Я попрошу его вернуть меня к маме!

И тогда все дети стали кричать наперебой о своих желаниях. И всем хотелось быть с мамой, жить в семье — в нормальной семье.

Потом был праздничный обед и тихий час. Никто, конечно, не спал. Все шептались об ангеле и Рождестве, а воспитательница бегала из палаты в палату, бранилась и грозила оставить детей без прогулки.

Пашка, сосед по койке, сказал, что хочет сфотографировать ангела на "кодаке". Он стащил аппарат из машины, которая привозила проверяющих из комиссии по надзору. Между прочим, Пашка воровал по-настоящему. У него это было в крови и перешло от отца по наследству. Виталик и Витька завидовали ему, потому что не помнили своих отцов и ничего о них не знали.

Пашка полез под матрац, вытащил оттуда плеер и лениво рассказал о вчерашнем деле:

— Эту штуку я взял у той девчонки, которая живет через два дома от нас. Она сидела, слушала музыку, а я ее по плечу тихонечко — тук-тук. Она сняла наушники, положила машинку рядом и спрашивает: «Мама, ты?» А я ей: «Нет, не угадала!» Она по скамейке рукой — цоп-цоп, а плеера уже и нет!

— Она же слепая! — с укором сказал Виталик.

— Зато батька у нее упакованный фирмач. На «мерсе» ездит с охраной. Он дочке новый плеер купит, а я за эту штуку получу деньжат и уеду к бабке в деревню. Зимой ей там скучно — не выгонит.

Уже во время прогулки, увидев в окне их няню, Виталик прокрался в административный корпус, но баба Маша говорила по телефону.

— Мишенька,— кричала она в трубку. — После работы сразу ко мне. Ты понял меня, мальчик? Если даже тебя снова отправят куда-то с поручением, все рвано приди ко мне. Да-да! Придешь, а там посмотрим.
Она говорила со своим приемным сыном. Ему исполнилось уже двадцать пять, но Виталик слышал от детей из старшей группы, что он был у нее слабоумным. Баба Маша устроила его грузчиком в какой-то магазин, и еще говорили, что хозяином этого магазина был папа той слепой девочки, у которой Пашка украл вчера плеер.
— Баба Маша, — спросил Виталик, когда она положила трубку телефона, — это правда, что если мы будем вести себя хорошо, то к нам прилетит сегодня ангел?
— Не знаю, милый. Прилетит ли? Им, ангелам, и без нас, наверное, дел хватает. Помню, мать нам такое говорила, что, мол, свечу надо поставить на окно и ждать его. Да, и доброе дело сделать перед этим. А ты беги во двор, гуляй... Не дай Бог, заведующая увидит!
Виталик и Витька решили поступить по всем правилам. Свечи они достали в каморке сторожа, а с добрым делом немного не повезло. Когда они все рассказали Пашке, тот в общем-то не возражал. Он безропотно отдал плеер, но участвовать в возврате вещи отказался.
А еще через час Виталик отыскал слепую девочку в сквере — почти у самых трамвайных путей. Обученная колли водила ее по аллеям, не обращая внимания на других собак.
— Эй, подожди! Ты что-то потеряла, — сказал он девочке и сунул ей в руку плеер.
Она немного испугалась, а потом спросила:
— Зачем ты мне его вернул?
Виталик хотел было уйти, но в ее поблекших глазах застыла безнадежная грусть, и он рассказал ей об ангеле и о том, как они собирались встречать его у окон со свечами.
— А потом мы попросим его, и он исполнит наши желания.
— Как бы мне хотелось быть с вами, — прошептала она.
— Почему? У тебя же есть мать и отец!
И тогда он понял, каким бы оказалось ее желание. Девочку звали Светой, но света она не видела уже год, лишившись зрения после автомобильной аварии. Вокруг зажигались фонари, а они все рассказывали друг другу о своих делах и жизни. Умная колли бежала впереди, и все трое знали, что в такой чудесной компании бывать им раньше не приходилось.
Услышав быстрые шаги, Виталик оглянулся, но увернуться не успел. Высокая женщина в леопардовой шубе схватила его за плечо и сердито закричала:
— Ну что, урод, попался? Ах, ты, гнус! Слепую девочку грабить!
— Мамочка! Это не он! Не трогай его! Этот мальчик хороший и добрый!
— Рвань приютная! Я тебе покажу, как над людьми издеваться!
Женщина хотела ударить его, но Виталик рванулся вниз и в сторону. Рукав осенней курточки порвался. Колли заливалась лаем. Девочка рыдала.
Когда он отбежал на десяток шагов, Света бросила поводок и, протягивая руки, закричала:
— Виталик! Я к тебе приду! И мы вместе будем ждать у окна!
После ужина баба Маша начала беспокоиться о сыне. Она позвонила в магазин и, услышав в трубке пьяные голоса, расстроилась еще больше. Дети отнесли под елку туфельки для подарков и быстро улеглись по постелям. Они старались вести себя хорошо. И еще им хотелось быстрее остаться одним.
— Бедное дитя! — жаловалась сторожу баба Маша.— Неделю назад продавщицы послали Мишеньку ловить такси. Остановил он машину, отдал водителю листок, а там, значит, написано: «Ограбление! Гони деньги, пока жив.» Так мальчишку чуть не избили. Я уж его хозяина и просила, и умоляла. А он говорит, что я ему и без того по гроб жизни обязана... Ох, не сидится мне, Саныч! Схожу я ему навстречу. Ты тут присмотри, если что. Ребятки заснули – хлопот тебе не будет.
— Да иди, чего там. Мне все равно ночь не спать.
Баба Маша оделась и ушла. Дети смотрели ей вслед из темных окон. А старик Саныч забрался в будку и больше из нее не выходил.
— Пойдемте к елке, — шепнула рыжая Настя. — Если ангел прилетит, то только туда.
— И возьмите свечи, — напомнил Витька.
Они спустились по темной скрипучей лестнице в игровую комнату и, подойдя к трем большим зарешеченным окнам, зажгли свои маленькие свечи. Ноги стыли на холодном полу. Дрожащее сияние освещало их ночные рубашки и худенькие лица. А там за окнами студеный ветер бросался в стекла колючими снежинками, и ряды фонарей уходили в темное небо.
— Надо прочитать молитву, — сказала Таня.
Но никто молитвы не помнил, и на всякий случай это дело поручили маленькому Лешке. До приюта он год побирался у церкви, и кому, как ни ему, было знать, с какими словами обращаться к Заступнице детей.
— Мать-Заступница, отправь к нам ангела, — зазвенел в тишине его голос. — И пусть этот ангел даст нам то, о чем мы его попросим.
— Пусть мою маму отпустят из тюрьмы, — молила Таня.
— А моя пусть заберет меня отсюда...
— ...И чтобы у нас с сестрой был дом...
— ...И чтобы папка не бил меня, когда напьется...
Дети шептали свои молитвы, и в три высоких окна заглядывала ночь. Где-то далеко звенели колокола. За стеной выл ветер и лаяла собака. А потом к ним пришел ангел.
Он был рослый и молодой, с румянцем на щеках и белокурыми волосами. Малыши смотрели на него, безмолвно открыв рты. Он казался им таким прекрасным и добрым, таким сильным и великодушным, что ноги сами несли к нему, а руки тянулись к его большим ладоням.
— Ты ангел? Ты все-таки пришел? — спросила Зойка и прижалась к его руке.
Он выронил большой пакет, и по полу покатились крупные апельсины.
— Я пришел! Я вас знаю, дети! Ты — Зоя. Ты — Сережа! А вы — сестрички, Оля и Галя!
Он действительно знал их всех.

Да и как иначе? Ведь ангелам известны наши имена.
— Мне рассказывала о вас мать! И я уже видел ваши лица!
— Мать-Заступница? Она о нас знает? — удивлялись дети.
— Да, мать Мария!
— Мария... Богородица...
А потом они ели фрукты и пили вкусные соки из красивых пачек. И ангел резал ножом ананас. И липкие от сладостей ручки тянулись к его лицу, касаясь пальчиками кудрявой бороды и румяных щек. И они шептали ему свои просьбы и печали.
—Скажи, а сколько желаний ты можешь исполнить? — спросил его Виталик.
— Желаний?
— Да. Одно или много?
— Одно, — печально ответил ангел.
И наступила тишина. Потому что приют — это все или ничего. Потому что приют — это всем или никому. И здесь делят не только судьбу, но и самое сокровенное желание. Они не могли просить ангела о своем, потому что тогда бы оказались обделенными другие...
Во дворе снова раздался собачий лай, и Виталик вспомнил о Свете.
— Подождите! Я знаю, что делать! — закричал он.— Ты только не улетай! Я прошу тебя ангел!
Когда он привел к ним Свету и ее собаку, его встретили молчаливым неодобрением. Им не хотелось отдавать свои желания чужой девчонке. Но они были детьми из приюта и, значит, знали, как важно помочь другому в беде.
— Она слепая, и мы просим тебя вернуть ей зрение, —сказал Виталик, подводя девочку к ангелу.
— Зрение?
— Да. Положи ей руку на голову, и пусть она прозреет!
— Пусть прозреет! — закричали дети.
Ангел погладил девочку по голове, и у нее из глаз побежали слезы. А потом дети смеялись и радовались. И вместе с ними смеялась и радовалась Света. Она снова видела свет. Она видела лица ребят и добрую улыбку ангела.
Пашка исполнил свою мечту. Он сделал общий снимок у елки. Дети облепили ангела со всех сторон, так что даже крыльев не было заметно.
Когда он ушел, прибежала Светина мама. Она прибежала с дежурной по приюту, и дети бросились врассыпную — кто куда. В большой игровой комнате, освещенной свечами, разъяренная мать нашла только Свету и Виталика. Она схватила дочь за руку, потащила ее к двери и только потом поняла, что девочка видит!
Бабу Машу, конечно, простили. Заведующая предупредила, что терпит ее отлучки в последний раз, и няню оставили на работе.
Светкин папа тряхнул на радостях мошной и устроил всему приюту билеты в цирк. Услышав от дочери о Виталике, он купил ему новую куртку — на меху и из настоящей кожи.
Вот только Мишеньке не повезло — приемному сыну бабы Маши. Прогнал его хозяин из магазина. Да и то сказать! Послал он парня с подарками для жены и дочери, собрал в пакет сладости всякие, апельсины, ананасы. Но тот взял все это да и потерял. Мало что борода на лице курчавая, а все дитя дитем.
Фотографию с ангелом Пашка никому не отдает. Запрятал куда-то, и все. Говорит, что в мире таких снимков по пальцам пересчитать. Но сердце же не камень. Обещал он Свете дать ее наполдня, чтобы показала она ангела своим родителям.
А для вас скажу по секрету, что не сказка это и не случайное совпадение. Рассказал я вам об обычном чуде — пусть маленьком, но настоящем. И не в том оно, что девочка прозрела; не в билетах на цирковое представление; и не в хорошей кожаной куртке. Оно в том, что Пашка станет выдающимся фотографом, перечеркнув одним махом свою наследственность. Оно в том, что у Виталика будет семья — своя, нормальная, с прекрасными детьми. А что касается большого чуда, которое случается в Москве раз в году, то я с ним вас и поздравляю.

С Рождеством Христовым!

РАДУЖНЫЙ МИР

SHALA

Я открыла глаза. Тонкий бледно-голубой луч света просачивался между штор. Сегодня полнолуние. Я взглянула на электронное табло настольных часов. Бледно-зелёные сегменты сложились в цифры 03:48.
— Хм…
Я поднялась на руках и села на кровати, всматриваясь в неподвижный силуэт, сидящий на подоконнике.
— Опять не спишь? — сонно спросила я.
Занавеска колыхнулась и приоткрылась, впуская в комнату лунный свет. Её черные глаза встретились с моими.
— Ты помнишь какой сегодня день? — раздался любимый голос в тишине спальни. Наполовину скрытая занавеской, она ожидала моего ответа.
Я невольно залюбовалась игрой лунного света в её волосах. Черные, как сама тьма, они оживали под лунным светом, переливались всеми оттенками черного и двигались, поглощая свет. Её кожа серебряная под Луной и золотистая в лучах Солнца, всегда восхищала меня и вызывала желание прикоснуться к ней.
Я услышала вопрос только, когда она повторила его ещё раз. Удивлённо заморгав, я попыталась вспомнить дату и посмотрела на календарь. Слишком темно. Но вчера была пятница… 9 июля. Я стыдливо спрятала лицо в ладонях и услышала её смешок. Сквозь пальцы я посмотрела на неё. Она с интересом рассматривала свои руки, опустив голову, но уголки её губ были приподняты в слабой улыбке. Я вздохнула, встала с кровати и подошла к ней, обнимая и прижимая к себе. От её волос пахло хвоей и я не удержалась и поцеловала её в макушку.
— С днём Рождения, любимая! – прошептала я. — Пойдем спать? Завтра рано вставать…
Я почувствовала, как она кивнула и взяла её за руку, отступая на шаг. Она слезла с подоконника и задёрнула за собой занавеску. Комната мгновенно погрузилась во мрак. Я потянула её за собой к мягкой двуспальной кровати. Когда мы улеглись, и её нежные руки обняли меня за талию, я услышала её горячий шепот: "Я люблю тебя".

***

Когда она ушла, мир потерял все краски. Мой мир стал черно-белым.

***

Я слушала в трубке весёлый голос Кристины, которая решила порадовать меня свежим анекдотом.
— "Приносит мужик в магазин воздушные шарики сдавать. Продавцы его спрашивают: — Что, бракованные попались? — Да нет. Не радуют они меня."
Я усмехнулась.
— В общем, мы все тебя ждём в клубе. Не опаздывай, пожалуйста, а то сдадим все шарики! — продолжила она.
— Хорошо, — согласилась я.
Крис восторженно заорала в трубку и я невольно отпрянула от неё, поморщившись. С этой громкой девушкой всегда стоило опасаться за барабанные перепонки.
— С днём варенья поздравлю при встрече. Всё, до скорого! Целую, — я услышала её чмок и щелчок окончания связи.
Я положила мобильный в карман и откинулась на спинку кресла. Тронув мышку, я посмотрела на "проснувшийся" экран монитора с недоделанным макетом.
Часы в правом нижнем углу монитора показывали 20:32 и я прикинула, сколько времени у меня ещё есть до клуба. У меня было ещё полтора часа, из которых минут пятьдесят придутся на дорогу. То, что мои друзья решили сами организовать для меня мой день рождения стало очень приятной неожиданностью в этот пятничный вечер.
Я уставилась на незаконченный макет вывески для парфюмерной компании, заказом которой решила заняться перед уходом. Разработка логотипа, фирменный стиль, брэндбук и оформление информационного стенда со всеми кабинетными табличками и вывесками. Заказчик требовал что-то гламурно-витиеватое, а у меня уже несколько дней выходило всё лаконично-простое. Предварительные эскизы уже нужно показать в среду, но я даже примерно не приблизилась к тому, что он хочет. Я устало вздохнула, потёрла переносицу, и тихо выругалась. Я сбросила на флешку все наработки с намерением заняться этим в выходные на свежую голову. Выключив компьютер, я допила остывший чай, собрала сумку и вышла, закрыв кабинет на ключ. В коридоре было тихо и пусто. Спустившись на первый этаж, я столкнулась с охранником на выходе из лифта.
— О, привет, Царевна — Несмеяна! — приветливо поздоровался он.
— Привет, Стас! — безразлично ответила я. Казалось, улыбка на его лице будто застыла навечно. Его лицо, усыпанное веснушками, и голова, увенчанная копной ярко-рыжих волос, производили на собеседников неизгладимое впечатление, создавая солнечное и радостное настроение.
— Зато ты улыбаешься за нас двоих, — пошутила я. — Ты сегодня опять дежуришь? Жена не ревнует к работе?
— Ревнует, да ещё как! — он улыбнулся. — Всё пытаюсь объяснить ей, что мне надо больше работать, раз нас скоро стане трое…
Его лицо преобразилось, когда он заговорил про жену и своего будущего ребёнка. Влюблённый и счастливый. Я с грустью посмотрела сквозь стеклянные входные двери на улицу. Дождь. Там как всегда шёл дождь. Я задумалась и весёлое щебетание Стаса постепенно превратилось в монотонный гул.
Каждый раз в этот день шёл дождь. Всегда. Обязательно один дождливый день в июле и этот день – день моего рождения. И так каждый год с тех пор, как…
— Лин?... Лин!
Очнувшись, я встретилась с взволнованным взглядом тёмно — синих глаз Стаса.
— Ты меня пугаешь, когда уходишь в себя.
— Прости, задумалась просто,

— я взглянула на огромные часы напротив входа в холле. — Вот, чёрт! Опаздываю! Прости, мне пора!
— О! На свидание? — губы Стаса расплылись в улыбке. Я хмыкнула.
— Нет, на свой день рождения!
— Поздравляю! — услышала я в спину прежде, чем за мной закрылась дверь.

***

Мы лежали на вершине холма. Прохлада, поднимающаяся с земли медленно проникала в наши разгоряченные тела. Её рука нежно коснулась моих волос.
— Ты когда — нибудь пробовала считать звёзды?
Я оторвала взгляд от ночного неба и повернулась к ней.
— Шутишь? Их там бесчисленное множество!
— А я сбилась на второй сотне. Глаза заслезились и пришлось моргнуть…

***

Я отошла от нашего столика и вышла в коридор. Достав из пачки сигарету, я чиркнула зажигалкой и закурила. Коридор заканчивался уютным диванчиком, рядом с которым стоял журнальный столик. Плакат над диваном, призывал выпить бутылочку Кока-колы. Здесь было немного тише, чем в зале игровых автоматов и мне очень понравилось это уединённое место. Я села на диван, сняла туфельку и поджала под себя ногу. Откинувшись на спинку, я стряхнула пепел и закрыла глаза. Не сказать, что я заскучала на собственном дне рождении в компании своих старых друзей, но несколько часов постоянного общения утомили меня и мне захотелось немного отдохнуть.
— Хм, интересный запах, — услышала я над собой чей — то голос и открыла глаза.
— Можно воспользоваться твоей зажигалкой? — она села рядом и я смогла подробно рассмотреть её. Высокая девушка со спортивной фигурой, черные волосы до плеч, узкое лицо и почти черные глаза. Я заметила её, когда она играла в боулинг с подругами на соседней с нами дорожке. Изредка я замечала на себе её взгляд. Я вынула из кармана зажигалку и протянула ей. Вспомнив про свою сигарету, я стряхнула пепел и затянулась.
— Это Nirdosh — безникотиновые сигареты. Я курить так бросаю, — объяснила я и сама не заметила как улыбнулась ей. В её глазах вспыхнул весёлый огонёк и она вернула мне мою зажигалку. Когда наши пальцы соприкоснулись, моё сердце остановилось. Мир на мгновение замер, вокруг словно наступила полнейшая тишина. С первым ударом сердца всё вернулось на свои места — свет люминесцентных ламп загорелся ярче, звуки стали полнее и насыщеннее. Я сглотнула и отвернулась, пытаясь разобраться в собственных ощущениях.
— И как давно ты бросаешь курить? — её голос — мягкий и обволакивающий, чуть с хрипотцой вызвал у меня волну мурашек по спине. Я сделала неудачную затяжку и закашлялась из-за слишком горячего дыма. Она похлопала меня по спине и вытащила у меня из пальцев сигарету.
— По-моему тебе уже пора бросать совсем, — она сделала затяжку. — Прикольно! Может и мне на них перейти?.
Я повернулась к ней и наши глаза встретились. Она слегка улыбалась и во взгляде резвились маленькие чертики.
— Кажется, в Японии это считается непрямым поцелуем, — я с удивлением услышала свой внезапно осипший голос.
Она рассмеялась.
— Друзья зовут меня Лара, — сказала она и я во второй раз ощутила, как сердце делает кувырок. — А, вообще, полное имя Лариса.
— Лина, — я с трудом восстановила дыхание. — Алина в смысле.
— Вот, ты где! — Кристинка, как комета пронеслась по коридору, и я едва успела натянуть свою туфельку, как она подхватила меня за руки и потащила за собой к дорожкам. — Дашка проиграла, так что теперь тебе играть с Олькой.
Когда мы подошли к нашему столику, я выпила свой коктейль и перебросилась несколькими фразами с Дашкой. Я только взяла в руки шар для боулинга, когда услышала над ухом знакомый голос с хрипотцой.
— А потом сыграешь со мной.
Когда я оглянулась, она уже повернулась к своей компании. На глянцевой поверхности шара отражались разноцветные блики от неоновой вывески за моей спиной. Мои губы медленно расплылись в улыбке, а затем приступ хохота согнул меня пополам. Дрожащими руками я отдала шар обалдевшей Кристине. За нашим столиком наступила полнейшая тишина.
— И что смешного я сказала?
— Ларка подошла ко мне с интересом заглядывая в глаза.
-Ты пошутила, да? Я впервые в жизни сейчас взяла этот шар в руки, — я утёрла слёзы, пытаясь не размазать тушь. — Я видела, как ты играешь. Против тебя у меня нет ни одного шанса!
— Хм…, — она задумалась, прикрыв один глаз. — Тогда выбирай в чём мы будем соревноваться?

***

— Выбирай, во что мы будем играть!
Я перебирала кассеты с играми и наконец остановила свой выбор на гонках.
— В это!
— Любишь скорость и крутые повороты?
— Люблю ветер, свист в ушах и ощущение полёта!

***

Я вскочила на ноги и взяла её за руку.
— Пошли!
— Э! Вы куда? — донеслось нам вслед, но я уже видела свою цель и тащила Ларку за собой.
Я быстро нашла то, что мне было нужно. Два симулятора мотоциклов, одна гонка для двоих.
— Играем три игры, победитель получает возможность загадать любое желание, — адреналин уже закружился в моей крови и я чувствовала небывалый подъём сил.
— Хм… Звучит заманчиво! — она села на мотоцикл.
— Ну, в разумных пределах — рабство на всю жизнь, вилла на Канарах и всё такое прочее… Ну, ты понимаешь, надеюсь?
— Понимаю, — она улыбнулась.
— Поехали!
Наши мотоциклы неслись со скоростью ветра по трассе.
— Отстаёшь, подруга! — байк Ларки обошёл меня на повороте и я увидела её спину.
Я улыбнулась и вдарила по газам. Впереди была финишная прямая и я очень быстро поравнялась с байком Ларисы. Вдалеке уже виднелись ворота, я сделала отчаянный рывок и… экран погас.

— ЧТО?
— Что за фигня?
Экран был абсолютно черным без малейших признаков жизни. Я повернулась к Ларисе и мы не сговариваясь обернулись назад. За нашими спинами стояли мои и Ларкины друзья, возмущаясь на неработающую технику.
— Будем считать это ничьей? — спросила Лариса, слезая с мотоцикла.
— Ну, учитывая, что первую игру выиграла я…
— А вторую я! — напомнила она мне.
— А на третьей наши кони сдохли, то можно считать нас обоих победителями! — я встала, разминая ноги.
— Ммм… Ты понимаешь, что это значит? — спросила она, шепча мне на ухо.
— Конечно! — я оглянулась со счастливой улыбкой. — Мы будем выполнять желания друг друга!

***

— Лин, ты выполнишь моё желание? — спросила она. — А взамен я выполню твоё, давай?
Я перевернулась на живот, открыв глаза и щурясь от яркого солнечного света.
— И что ты хочешь?
— Пообещай! Моё желание в обмен на твоё! — в её черных глазах было столько упрямства, что я сдалась, даже не пытаясь спорить.
— Хорошо, обещаю. Так чего ты хочешь?
— Поднимемся на гору и ты прокатишь меня на своей спине?
Я со вздохом хлопнула себя по лбу. Но она засветилась такой радостью, что я тоже невольно улыбнулась.
— Ладно, пошли, — сказала я, поднимаясь и отряхиваясь от песка.
Путь на вершину у нас занял почти час. Она шла за мной, держась за мою руку и отпустила её только тогда, когда мы оказались на самой вершине.
Я остановилась на самом краю, всматриваясь в проплывающие облака. Она прижалась к моей спине и обвила руками талию.
— Ты так этого хочешь, Лар?
Она кивнула.
— Тогда, держись крепче!
Я сделала глубокий вдох, воздух вокруг меня стал плотнее и заискрился радужными бликами. Пространство расширилось, мышцы напряглись и мгновенно расслабились. За спиной с шелестом раскрылись крылья, тело увеличилось и длинный хвост растянулся на камнях. Гибкое чешуйчатое тело соскользнуло вниз с вершины, ловя восходящий воздушный поток.
Единение дракона и всадника — чувства, мысли, эмоции. Два тела, сливающиеся и действующие как одно.
Можно ли желать быть ближе? Я была уверена в том, что знаю все твои мысли и чувства. Но оказалось, что внутри тебя скрывался маленький тёмный уголок, куда мне не было доступа. Когда ты не пришла в первый раз — я удивилась, но не стала тебя искать. Когда ты не пришла и на следующий день — я начала волноваться. На третий раз я отважилась отправиться в полёт без тебя. С небес я высматривала тебя зорким взглядом, надеясь и веря. Желая всем сердцем вновь увидеть твою улыбку, взять тебя за руку и взлететь с тобой к небесам.
Когда я заметила твои следы, было уже слишком поздно… И тогда пришла боль… мучительная, всепоглощающая и разрывающая на мелкие кусочки… я кричала, падая… чувствуя как ломаются крылья… как меркнет и теряет краски наш мир…

***

— Вы, уверены, доктор?
— Абсолюно.
Из соседней комнаты доносились приглушённые голоса. Я открыла глаза и осмотрелась. Отдельная палата, серо-голубые стены с грязными разводами. Руки затекли и я попыталась пошевелить пальцами. Ремни сдавили запястья. Я поморщилась от болезненных ощущений.
— Ей же всего пятнадцать! Как это вообще возможно? — за дверью раздались всхлипы.
— У подростков пик суицидов приходится как раз на этот возраст. Потеря смысла жизни, чувство обиды и одиночества, неразделённые чувства, ревность…
Я снова закрыла глаза, пытаясь отключиться от внешних звуков и раздражителей. Пустота… спасительная чёрная пустота, где нет боли… где нет воспоминаний… Почему? Почему, Ларка?... Ты же обещала, что никогда не покинешь меня!!!
***
— Как же это здорово!!! — Ларка растянулась на песчаном пляже. Солнце медленно опускалось за горизонт и я наблюдала за ним из-под полуприкрытых век.
— Теперь твоя очередь!
— Хм?
— Какое желание ты хочешь, чтобы я исполнила? — Ларка села рядом, положив голову мне на плечо.
Я задумалась.
— Пообещай никогда не покидать меня! — я повернула голову и посмотрела в её тёмные глаза. Внезапно улыбка сползла с её лица и она стала очень серьёзной.
— Ты правда этого хочешь?
— Да. Очень хочу. Я хочу, чтобы мы всегда были вместе.
Несколько долгих секунд я с нетерпением ждала её ответа. По спине внезапно прошёл холодок.
— Хорошо, обещаю.

***

Падение… боль… хруст сломанных крыльев… мой отчаянный крик…
Я вскочила, судорожно глотая воздух. По спине струился холодный пот. Я протёрла глаза и размытые краски постепенно начали приобретать чёткость. Красный, жёлтый, зелёный, синий, белый… От раскалённого воздуха над лампой ночника вертелись фигурки летящих драконов.
Тяжёлая рука опустилась мне на плечо и я судорожно обернулась, вспоминая где я нахожусь.
— Спи! — Ларка надавила мне на плечо, заставляя снова лечь.
— Этот сон тебе больше не присниться.
Со вздохом облегчения, я устроилась у неё на руке, закрывая глаза.
— Лар!
— А?
— Что раскрашивает мир в яркие цвета?
Она притянула меня к себе и я почувствовала как сильно бьётся её сердце.
— Спи, мой маленький радужный дракончик.

ПОГРАНИЧНИКИ

DEXTER

Солнце начало сильно припекать, когда я пересёк равнину Соэпия. Свернув с песочной дороги, я побрёл по мягкой
густой траве, пока не увидел ярко-зелёное пятно вдали — передо мной раскинулся роскошный сосновый лес — да, не зря говорят, что здешние сосны — настоящие долгожители; ходят легенды, что иные живут и по пять столетий — всё помнит их листва, немало повидали их души, укрытые в зелёной мантии.
Я шёл вторые сутки, лишь пару раз сделав привал, во фляге совсем не осталось воды, и мне всё чудилось звонкое журчание весёлого ручья, уносящего в своих водах все сомнения и тревоги, полного чистой живой влаги. Только сейчас я понял, как мне не хватает быстрой речки, текущей у моего поместья и оставленной навсегда в тех бескрайних просторах, которые мне уже не суждено увидеть. Но, к счастью, мои грустные мысли не могли нарушить гармонии вокруг меня: вскоре я заметил, как слева в непроходимых кустах засверкали яркие рубиновые ягоды.
Матушка-природа обо мне не забыла,— улыбнулся я. Это большие озорные глаза малины лукаво поглядывали из — под тёмных листьев, дразня уставшего путника и уводя его в топкие холодные болота.

Чем дальше я шёл, тем легче становился мой рюкзак. Не потому, что я опустошал недельные припасы. Наоборот, я чувствовал себя как никогда бодрым, и сил во мне только прибавлялось. Мне казалось, что я ступаю по мягким тёплым облакам — настолько нежной была трава под ногами, настолько умиротворяло меня монотонное стрекотание кузнечиков и щебетание юрких жёлтых пташек в траве.

Так я дошёл до дремучего соснового леса. Он холодно и неприветливо шумел массивными кронами — словно тысяча рук в огромной толпе медленно качала небо, смешивая его с ватными облаками. Никогда мне не приходилось видеть такие деревья. От них веяло каким-то древним знанием и мудростью; уважение и благоговение — вот то, что я чувствовал в глубине себя.

Я поклонился бушевавшей громаде леса — эдакому резвому исполину — и будто сквозь ворота прошёл между огромными деревьями (в одиночку их точно не обхватишь). Я посмотрел наверх: солнце осталось позади и лишь редкие лучи его пробивались сквозь тёмно-зелёное тяжёлое кружево сосен, путаясь в них, точно в сетях. Густой воздух вливался в меня животворящей прохладой, и я сразу наполнился мягким спокойствием. Ветер нежно ласкал мои
волосы, а его шум убаюкивал меня, зовя за собой на неведомые тропы и в необъятные дали. Мне было необыкновенно легко и уютно в этом тёмном шатре — лес принял меня.

Пробираясь по едва заметной тропинке, перепрыгивая через огромные стволы упавших когда-то безмолвных гигантов, я не заметил, как стало вечереть; буйная жизнь леса смолкла, и лишь мои приглушённые шаги да хруст веток слышались в чаще. Вскоре дорога передо мной расширилась — деревья стали редеть, и я вышел на небольшую светлую поляну — справа виднелась кирпичная постройка, в которой горел яркий оранжевый свет, а за постройкой и вокруг неё стояла стена плотной непроглядной тьмы, глубокой и влекущей в неизвестное. Она вызывала щемящую тоску по чему-то давно забытому и запретному, но очень близкому.
Пройдя через поляну, я приблизился к постройке — она была метров шесть высотой и двадцать шириной, из жёлтого гладко отшлифованного кирпича, идеальной прямоугольной формы. Несмотря на свои размеры, она не казалась массивной, скорее, напротив, постройка парила над землёй — так причудливо играли тени в сумеречной дымке.
Вдруг позади послышался хруст, и я быстро оглянулся, уловив мимолётное движение за спиной. Передо мной стояли две фигуры в тёмных, как мне казалось, дымчатых, балахонах с капюшонами. Одна из фигур, та, что слева, была немного выше второй, и её одеяния, казалось, были сотканы из сгустившихся вокруг сумерек.
— Куда направляешься? приблизившись, спросила меня первая фигура мягким мужским голосом. В этом голосе не было ни испуга, ни удивления — словно задавать такие вопросы было делом привычным.

Я вглядывался в темноту, пытаясь разглядеть лицо или отблеск глаз, но лишь глухая тишина и мрак опутывали мои глаза и уши. Я не спеша ответил в той же холодной манере:
—Туда, куда мне предначертано. Мне нужен Первый Предел.

Тут же по моему лицу начала расползаться паутина гнетущего напряжения — ломило в правом глазу — было очевидно, что фигуры пристально смотрят на меня. Вновь заговорил первый силуэт:
— Тебе незачем идти туда. Ты знаешь, что Запретная территория закрыта для странников.
Тон голоса фигуры в балахоне не был настойчивым, и мне подумалось, что это лишь предупреждение о возможной,
неведомой опасности.
— Я не странник, и ты знаешь это. Меня влечёт не знание и не Его дары. Посмотри, я свободен, на мне не лежит более печать ответственности. Не скрывай очевидное.

Почему-то мне почудилось, что силуэт усмехнулся и посмотрел на вторую фигуру — уже стемнело настолько, что я мог различить лишь два тёмных пятна, которые едва покачивались передо мной, тускло освещаемые огнём, горевшим в постройке.
— Ты не ведаешь, куда стремишься. Ты ещё держишься за себя, и это тебя погубит. — Он немного приподнял голову в капюшоне. — Да, тебя ждёт смерть в любом случае… но это будет другая смерть. Ты ждёшь не её. Ты ищешь освобождение. Беспредельная свобода страшнее, чем ты воображаешь…

Он на секунду остановился, и я воспользовался паузой, сказав:
— Мне знаком её вкус. Я её видел однажды, и она навек очаровала меня. Сейчас я жажду слиться с ней в последний раз. Я готов навсегда безвозвратно раствориться в её безжалостных объятиях, я принимаю этот вызов, и ты не будешь преградой для меня.

И я действительно был готов. Пройдя через все испытания, через семь кругов ада — что мне стоило справиться с парой Хранителей!? Я решительно двинулся вперёд.
— Постой. Сейчас ночь, ты не знаешь дороги. Куда ты пойдёшь?
—Я никогда не знал дороги, но ты видишь — я пришёл к вам. Тьма не страшит меня — я уже был и тьмой и светом. Я точно зна—
— Странник, одумайся,— перебил меня мужской голос. Впрочем, в любом случае решение принимать только тебе.
Затем силуэты тихо отступили назад и сразу растворились во тьме.
Некоторое время я глядел им вслед в надежде, что Хранители вернутся и скажут мне что-то важное. Я так и не узнал, приходили они или нет, потому что после долгой, хотя и не утомительной, дороги меня неудержимо клонило в сон. А после разговора голову наполнил вязкий, обволакивающий туман — я присел на поляну, положив голову на согнутые колени, и незаметно уснул, никем не тревожимый.

Всю ночь мне снились то заброшенные хижины, то какая-то скользкая лестница из семи переливающихся

ступеней. Я
с трудом поднимался по ней снова
и снова, но каждый раз внезапно
оказывался внизу и в смятении опять
принимался за бесполезную работу.
Помню, что подо мной вырисовывался
массивный тёмно- коричневый
бревенчатый мост, который был
перекинут через полноводную реку. В
её стремительном течении отражалась
луна, мерцавшая необыкновенно ярко
и сказочно. Вода в реке была иссиня-
чёрной и совершенно непрозрачной.
Когда я переходил этот мост, раздался
шум канонады или салюта — сходство
усиливалось оттого, что на меня
сыпались разноцветные искры,
которые оставляли тёмные углубления
в брёвнах моста. Воздух наполняло
благоухание душистых луговых трав
и какого-то таинственного заморского
цветка. Этот диковинный пейзаж и
сейчас живой картиной расстилается
перед моими глазами.

Мне казалось, что поднимался я очень
долго по этой лестнице, пока, наконец,
достиг вершины. Лестница внезапно
обрывалась, а внизу не было уже ни
моста, ни реки, даже мерцание луны
померкло, — лишь пронзительный
белый свет, исходивший из невидимого
источника, заполнял всё пространство
вокруг. Я и сам сиял изнутри этим…
быстрым живым светом. Я медленно
растворялся в нём… таял, словно
мягкая податливая свеча. Мне было
легко, но моё сознание неумолимо
угасало — я пылал и пламенел
изнутри. Затем наступила тишина.

***

Тишина… Кажется, я проснулся. По
руке ползёт какое-то насекомое —
небольшое, но быстрое. Я лежу на
чём — то мягком, поджав ноги под
себя. Чувствую лёгкий холод, идущий
снизу. Лицо мне согревает яркое
солнце… Я медленно открываю глаза
— вокруг колышется невысокая трава;
вдалеке виднеется цепочка густых
непроходимых кустов. В нескольких
шагах от меня в лазурное небо рвутся
две величавые благородные сосны —
одна немного выше второй.
Ведомые своими тенями, их стволы
неспешно покачиваются в неугасаемом
ритме вечности.

Солнце… такое ярко-жёлтое и
сверкающее… бьёт мне в глаза. Всё
озарено его сиянием — вся земля
наполнена утренней энергией жизни. В
голове лёгкое гудение и… невесомость.

Густая дымка почти рассеялась, лишь
лёгкий голубой туман окутывал кусты
и верхушки сосен. По траве пробежал
едва слышный шорох ветра. Что-то
неведомое таилось в этом мягком
приглушённом звуке.

Я поднялся с земли, надел свой рюкзак
и пошёл навстречу солнцу. Что ждёт
меня впереди? Как хочется узнать!

НЕМНОГО ЛУННОГО СВЕТА

ТАТЬЯНА АДАМЕНКО

Убедившись, что ее тюремщики ушли, Билли облачком опустилась на пол. Она еще продолжала кипеть от гнева. Сегодня в обшарпанный подвал явилась красотка, которая открывала рот и виляла на сцене задницей под ее песни. Белая, конечно. Когда Билли только начинала выступать, то пела в глубине сцены, а впереди плясали белые девицы — и музыку послушают, и вид черной певицы на сцене никого не оскорбит — ее будто бы и нет, один голос…прямо как сейчас.

Эта белая куколка в белой меховой шубке, с длинными белыми патлами и брильянтами в ушах таращилась на нее, как на редкую вошь — и любопытно ей, и противно.

— Вот, куколка, смотри…

— Так вы меня не обманывали? — спросила куколка у братьев, округлив густо накрашенный рот.

— Оно настоящее? А зачем оно вам?

— Если бы твои сиськи умели петь, то, конечно, я бы не понадобилась! — не удержалась Билли. Жаль, что та ее не услышала из-за звукоизолирующего стекла. Билли за полгода своего плена отлично научилась читать по губам, но ждать таких умений от этой куколки было бы глупо… пришлось показывать жестами. Куколку давно увели, а она все никак не может успокоится. Ей пригрозили, что если она не будет повежливей, она опять включат телевизор… Ну и пусть! Оно того стоило. Пусть эти дельцы вспомнят, что она не просто голос! Когда-то и у нее, Билли, в ушах сверкали брильянты…

.. На экране древнего лампового телевизора идет запись концерта певицы, которая жила быстро и умерла молодой тогда, когда это еще не стало доброй традицией. Саксофонист плетет извивы мелодии, барабанщик тихо поддакивает, а голос певицы берет за душу, обволакивает, печалит и ободряет одновременно... Камера, прекратив скользить по сидящим за столиками, замирает на фигуре певицы. Она, сияя улыбкой, благодарит своих верных слушателей, затем слегка кланяется… и рука в перчатке вырывается за пределы экрана — белая, туманная, полупрозрачная.

Билли нехотя открыла глаза. Опять ей снился ее «исход» — со стороны, глазами тех, кто выдрал ее из ее же прошлого. И черта с два Билли бы откликнулась, если бы ее не позвала хоть и разбавленная вторым поколением, но все-таки родная кровь!

Эти двое, наверное, сначала не хотели ничего плохого — всего лишь голос для дурочки, которая отлично выглядит, но не умеет петь. Всего лишь вырваться из грязного полуподвала… всего лишь денег и славы. Что ж, они своего добились. Угадайте, за чей счет?

— Идите вы к дьяволу! Думаете, если вытащили меня и закрыли в клетку, я вам буду петь? Поцелуйте меня в зад! — кричала она им.

— Что это вы принесли?

— Ты посмотри, как поют другие… — ласково предложили ей. Легкое нажатие на кнопку пульта, вспыхивает экран, на нем извиваются три полуголые девицы.

— Послушай музыку…

Уже через полчаса его выключили.

— Я согласна! — по инерции продолжала орать Билли. — Я буду петь! Пусть хоть у одной … куклы будет голос!

С того момента, как братья вымучили из нее согласие, прошло почти полгода. Она устала…

Из крохотного окошка, которые братья все никак не могли собраться заложить кирпичом, в гулкую комнату проникал единственный лунный луч. Билли тоскливо улыбнулась и, полузакрыв глаза, стала насвистывать "Лунную сонату». Она вернулась к реальности от щекотки, с которой лунный свет лег ей на лицо. От удивления Билли умолкла, и луч тут же вернулся на свое законное место далеко за пределами пентаграммы. Билли села и снова тихо, осторожно просвистела несколько тактов. Про себя она радовалась, что ей уже не надо прерываться, чтобы набрать воздух.

Она терпеливо подманивала луч все ближе и ближе, пока он наконец не коснулся ее ладони. Билли сжала пальцы, и он затрепыхался в ее руке скользкой шелковой лентой, но Билли держала крепко. Схватив его, как ребенок новую игрушку, как алкоголик последнюю бутылку, она медленно стала подниматься по нему вверх.

Билли с трудом вылезла из окошка — мешали устоявшиеся предрассудки о размерах своего тела. Свобода!

Подвал, бывший ее тюрьмой, был устроен на окраине Лондона, в обшарпанном многоэтажном доме, типичном сразу для всех городов мира. Совсем рядом горели вывески зала игровых автоматов и круглосуточной аптеки. Чуть поодаль вокруг входа в метро столпились рекламные щиты с тускловатой подсветкой. Билли, увидев, что район настолько унылый, что даже шлюх здесь нет, побрела к метро. Ей остро, до боли, хотелось людского присутствия, гула толпы и ее целительного равнодушия.

На ступеньках эскалатора она вызывающе засвистела Оффенбаха. "Орфей в аду".Ей всегда нравилась подземная акустика метро.

Ревом и ветром прибывающего воздуха ее едва не сдуло с платформы. Тело странно заколебалось, и она поймала удивленный взгляд прислонившегося к стене подростка в драном свитере. Она поспешила войти в вагон. Сидевшие внутри люди, ее соседи, равнодушно следили за проносящейся мимо окон тьмой. Билли припомнила, как однажды, нанюхавшись кокаина до коматозного состояния, она каким-то чудом спустилась в подземку и долго любовалась причудливыми подтеками

растущей на стенах туннеля плесени. Плесень радужно, с нежными переливами светилась, подрагивала, по ней бегали огоньки.

Билли безмятежно любовалась, пока не сообразила, что плесень на самом деле подбирается все ближе и хочет их всех сожрать! Она встала и попыталась сообщить это другим пассажирам, но ее все игнорировали, пока не пришел полисмен и не привел в участок. При ней нашли еще пять граммов кокаина, так что штрафом отделаться не получилось — тогда ее и посадили в первый раз. Ну и что? Билли невольно пожала плечами. Девчонки в тюрьме ее на руках носили, стоило только запеть... Правда, весь тот год ей ужасно не хватало ее оркестра, и, главное, саксофона Лестера…

О! Вот еще один саксофонист! Двери вагона раздвинулись, впустив вначале сам саксофон, а потом и тощего парня за ним. Он театрально поклонился и начал игру.”Whatawonderfulworld”... неплохо, совсем неплохо, даже Луи бы так сказал, да только публика здесь такая, что и на самого Луи не обратила бы внимания. Почти пустой вагон. Народ цветной, бедный, невесёлый — ему бы до понедельника дотянуть. Или вот белые старушки — брезгливо морщатся от такого нарушения тишины. Или ну очень серьёзные деловые молодчики напротив — те даже газету не опустили. Плохая публика, хуже только перед глухими выступать.

Парень это понимал, но видно, за день заработал совсем мало и уже по дороге домой пытался пополнить тощий кошелек. Когда он стал напротив нее, Билли не выдержала — стала подпевать. Сначала сидя, а потом, когда он, преодолев удивление, стал играть только для нее, то и стоя рядом с ним. Они вместе пошли из одного конца вагона в другой.

Когда-то пресса взахлеб писала о голосе Билли, называла ее глиссандо медовым, восхищалась ее умением рассыпать импровизации по ходу песни. Она же не меньше, чем голосом, гордилась своим талантом наладить контакт с залом. На ее концертах, даже самых первых, в дешевых ярмарочных балаганчиках, она всегда могла добиться такой тишины, что упавшую булавку было слышно, и теперь полузабытое умение снова возвращалось к ней...

Мелодия закончилась и сменилась приятным шорохом купюр. Им бросили целых двадцать баксов с мелочью за одну песню! Было время, когда это составляло ее недельный заработок певицы!

Парень потянул ее к выходу. Оказавшись на платформе, она смогла рассмотреть его повнимательней. Белый, на американца не похож, тощий, но довольно симпатичный, и лет на пять моложе ее. Он попытался поделиться.

— Половина твоя по справедливости! Кстати, классно поешь! Училась где-нибудь?

Билли отрицательно мотнула головой.

— Не надо денег. Лучше пошли еще споем. Пойдем! Пожалуйста!

— Не вопрос, пошли, — улыбнулся парень.

— Сможешь сымпровизировать?

— Билли напела мелодию одного самых старых и любимых своих блюзов. Он легко повторил ее на саксе, украсив собственными вариациями.

— Так правильно?

— Все как надо, молодец! Пошли скорей, пока не уехал! — подтолкнула его Билли.

Вместе они вошли в вагон.

Билли хрипловато начала:

— Я проснулась на рассвете — блюз свалился на кровать…
Да, я проснулась на рассвете - блюз свалился на кровать…

Молодой негр, глядя на нее, стащил наушники, в которых что-то грохотало и взвизгивало, как десяток молотилок. Билли воодушевленно продолжила:

— Завтрак съесть хочу, и что же
— вместо хлеба блюз опять!
— Завтрак съесть хочу, и что же
— вместо хлеба блюз опять!

— Блюз, привет, как поживаешь? — пропела она, повернувшись к напарнику.

— Блюз, привет, как поживаешь?
Бродишь все, в трубу трубя?

— У меня, брат мой, все в порядке, ну а как там у тебя?

Билли кожей чувствовала внимание публики. Равнодушные, уставшие, они тоже не устояли против грустного обаяния классического блюза. Удовольствие слушателей возвращалось к ней троекратно усиленным. Ей давно был знаком этот эффект, но теперь она ощущала что-то новое, словно под их взглядами она становилась все реальней, словно по телу пробегал электрический ток... она пела словно под дозой, закончив с неповторимой искренностью:

Кабы стал бутылкой виски блюз мой — я б напился пьян
Да, кабы стал бутылкой виски блюз мой — я б напился пьян
Лишь бы от себя, ей-богу, убежать ко всем чертям!

Что ж, этим она и занималась всю свою недолгую, нелепую жизнь, только к алкоголю добавила наркотики и секс. В том борделе, где она работала, небось, до сих пор о ней легенды ходят. Впрочем, даже когда она стала знаменитостью, ей не хватило ума понять, что секс не спасает от одиночества. Недолгие, нелепые замужества… мужики, которых она подбирала, выхаживала, заботилась о них, неизменно обращались с ней, как с тряпкой, могли поднять руку… Женщины были не лучше… и в конце концов она возвращалась от них к единственному верному другу — героину.

Их роман закончился только на больничной койке. Возле дверей ее палаты дежурили двое полицейских, чтобы арестовать за наркоту, когда ей станет получше… не дождались.

...Погрузившись в воспоминания, она и не заметила, как оказалась на этой скамейке со стаканчиком кофе в руках. Отхлебнула немного горячей бурды, прежде чем поняла, что именно делает… Она могла держать стаканчик! Она могла пить! Она стала настоящей! Билли смутно чувствовала, что это как-то связано с ее выступлением, от которого она еще не успела остыть, но раздумья решила отложить на потом.

— Мы же так и не познакомились! Меня Макс зовут, а тебя?

— Билли… То есть Элеонора.

— Красивое имя... Ну, ты как с неба свалилась, честное слово! Я уже думал, что мне и на ужин не хватит!

— Что ж тебе сегодня так не подфартило? — улыбнулась Билли.

— Ой, да причем тут фарт! Я же не местный — пришел на площадь, час поиграл, а потом

они все колонки погромче сделали и все — я заткнулся! У меня же вообще аппаратура дохлая! — возмущенно рассказывал парень.
— Ага, — поддакнула ему Билли.
— Так что вот так... — вздохнул он. — А ты откуда?
— Тоже не местная, — усмехнулась Билли, допивая кофе.
— Ну, по справедливости — половина заработка твоя! И вторую песню ты тоже классную дала, хоть и не хитовую…
— Она была хитом… только очень давно, не знаю даже, насколько давно... а денег не надо. Давай лучше так — я не знаю, где бы сегодня переночевать. Приютишь на сутки?
—Да не вопрос! Только у меня слева арабы, справа индусы, над головой, кажется, вообще террористы... зато дешево!
— Я не боюсь, — улыбнулась Билли, и, наклонившись вперед, похлопала его по руке. Парень смущенно отвел глаза от белой гортензии в ее декольте…
Той ночью Билли окончательно убедилась в полной материальности своего тела.
— Ты мне в постель свалилась, словно самый нежный блюз… — переиначил он, засыпая.
А наутро Билли увидела, что кончики пальцев у нее снова стали полупрозрачными, и тихо исчезла из крошечной квартирки, ухитрившись не разбудить ее хозяина прощальным поцелуем…
Теперь она путешествует из города в город, нигде не задерживаясь надолго; дает концерты в придорожных кафе, на площадях возле торговых центров, в караоке — барах, на набережных… Она уже чувствует притяжение дороги, которая рано или поздно вернет ее назад в Лондон, на Эбби-роуд, или, может, в Нью-Йорк, но пока не торопится.
Отдыхает в мотелях или на серебристых склонах крыш, если случается ей заснуть в одиночестве; а когда появляется у нее желание что-то промурлыкать, окрестные кошки, сохраняя невозмутимость, стараются подсесть поближе…

НА ВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ

КИР ЛУКОВКИН А. К. А. ЗВЕЗДОЧЁТ

Погрузившись в ванну по подбородок, Борг слушал доклад помощника.
— Через пару часов окажемся на месте, командир. Нам уже дали разрешение на посадку. Повреждений нет. Экипаж к работе готов. Прибытие в систему Шау состоялось по расписанию.
— Что с грузом? Груз в порядке?
— Груз в порядке, командир.
— Смотри у меня, — проворчал Борг. — Груз должен быть доставлен в целости и сохранности.
Помощник — приземистый большеротый головастик, — учтиво откланялся и ушел. Борг расслабился и удовлетворенно погрузился в гидромассажную ванну с головой. Он слегка увеличил давление, и поверхность ванны забурлила. Пузырьки лечебного газа приятно щекотали кожу. Еще часок можно поплавать в свое удовольствие. Гидротерапия существенно улучшала обмен веществ и придавала Боргу бодрость. Его тело становилось упругим, лоснящимся, наливалось здоровым светло-зеленым цветом. Он с тоской вспомнил родной мир, изобилующий серными источниками и «горячими» озерами, в каждом из которых можно было всласть плавать дни напролет.
Время до прибытия пролетело незаметно. Борг привел себя в порядок и отправился на командную палубу, чтобы лично понаблюдать за приземлением. В обзорном пузыре виднелась буро-желтая планета с продольными красными полосками. Шемшера. Планета — пустыня. Да, давненько он не летал в этом направлении. Жаркий, неуютный мир. Черствая и горячая, как сухарь, только что вынутый из духовки. Борг поежился, его кожа инстинктивно покрылась пупырышками. Придется надевать гидрокостюм, от которого зуд по всему телу. Ну ничего, утешал он себя, игра стоит свеч.
Торговый крейсер нырнул в атмосферу, прочертил в небе длинную белую полоску и устремился к мегаполису, что ковром пролег между пустыней и низкой грядой гор. Под днищем корабля замелькали приземистые сферические постройки, луковицы куполов и штыри башенок грязно-белого цвета. Там, в пыли суетились, бегали по своим делам миллионы живых существ.
Корабль аккуратно, точно муха на блюдце, сел на одну из сотен посадочных площадок, что стройными рядами покрывали терминал местного космопорта. Космическая гавань гудела от транспортного потока — ежеминутно с ее причалов стартовали и на ее площадки садились тучи разномастных кораблей, маленькие одноместные шлюпки и громоздкие звездолеты, военные и экспедиционные суда, ультрасовременные и дышащие на ладан, всех форм и конструкций. Несмотря на свою внешнюю неприглядность, Шемшера была важным стратегическим узлом, соединявшим несколько звездных систем. Но по меркам центральных скоплений Ядра — все же безнадежно затерянной на задворках галактики провинцией.
Подкатили обслуживающие дроны; ремонтники и заправщики с монотонным жужжанием принялись за дело.
— Летит транспортная платформа, — предупредил один из пилотов — головастиков. — Они дали предупредительный сигнал.
— Это встречающая делегация, — пояснил Борг. — Разгружайте товар. Сперва партию категории А, затем С и Е. И не смейте напутать!
— А что с партией Х?
— Приготовьте ее, но разгружать только по моей команде. А я пока спущусь вниз.
Амфибоид в компании двух помощников сошел по трапу, отошел от корабля на требуемое по регламенту расстояние и замер в ожидании. Платформа погрузилась в недра терминала. Створки соединяющего коридора раскрылись и на стенки прохода прыгнули тени. Вскоре там показалось несколько быстро приближающихся фигур. Спустя мгновение из прохода выползла огромная ящерица и четыре ящерки меньше, все закованные в шипастые доспехи. Ящер стремительно приблизился к Боргу и встал на задние лапы. Амфибоидзапрокинул голову — ящерица оказалось выше его в полтора раза. Это был ярко — красный с серыми крапинками варан. Его желтые узкие глаза не мигая уставились на Борга, а из приоткрытой, усеянной острыми зубами пасти высунулся тонкий язычок. Варан минуту разглядывал Борга, то так, то эдак наклоняя массивную башку, а потом выпалил:
— Борг! Старый мошенник! Собственной персоной!
— Ну почему же мошенник… — Борг смиренно сложил ладони верхних рук и наклонил голову в знак почтения, — Всего лишь скромный коммивояжер.
— Видали? Ха! — ящер раскрыл пасть. Очевидно, его это сильно позабавило.
— Ну здравствуй. Что это ты вдруг заявился ко мне?
— Я всегда помню о друзьях, Залусс.
— Да ладно тебе скромничать! — ящер хлопнул Борга по плечу — так, что у того глаза полезли на лоб. — Чудной ты малый, честное слово. Сказал бы уж прямо как есть: прибыл по делу. Привез мой заказ?
— Да, Залусс… Все, как ты просил… — прошептал Борг, восстанавливая дыхание.
— Чудесно! Просто чудесно! Ну что ж, оставим все дела на вечер, а пока расслабься. Добро пожаловать! Сегодня ты мой гость! Кстати, тебе повезло, — ящер пихнул амфибоида в бок, — После обеда запланированы игрища, они пройдут в моем новом амфитетаре, многоярусном и широком, гораздо шире старого! Он был специально построен для таких целей. Пойдем, пойдем, мои ребята присмотрят за твоим суденышком.
И оба отправились к платформе. Транспорт довез их до резиденции Залусса — шикарного дворца, выполненного из положенных друг на друга плит агатового минерала. Каждая плита слегка отличалась по оттенку от соседней, и все вместе они образовывали нечто вроде слоеного пирога. Залусс повел партнера по извилистым коридорам в главный зал с выходом на боковую террасу, где уже был накрыт стол.
— Как поживаешь? Я слышал, Союз Миров прижал торговым агентствам хвост! Да и с перевозками в последнее время возникли проблемы, а?
— Есть определенные трудности, — холодно согласился Борг, — но я пока что справляюсь. Раньше конечно было получше.
— Да… — мечтательно протянул ящер, — Старые добрые времена. Тогда можно было провезти под носом у чиновников любой груз, хоть гаубицы с наклейкой «Веники», ха -ха! Главное знать, кому сунуть на лапу. А сейчас что? Не берут! Ты представляешь? Не берут, хоть тресни! Говорят про какие-то законы. Где это видано — чтобы чиновники говорили про законы! Мир сходит с ума.
— Да просто Союз на грани распада, — вставил Борг. — Бандитские кланы подобрались к Ядру слишком близко, закричали о независимости и вот результат. Разве ты не слышал о Кандорской кампании?
— Нет! Что это?
Борг поведал ящеру про военный конфликт между союзыми войсками и силами сепаратистов в системе Кандор. Сепаратисты потерпели поражение, а Конгресс Союза издал закон о приорате. Теперь ни одна планета не имеет права выйти из состава Союза. Заодно ударили по коррупции и корпорациям. Повысили налоги на продажу и таможенные платежи. На «серых» коммерсантов объявили охоту.

— Ну и дела… то-то я думаю, что так плохо поставки оружия идут. То одна партия пропадет, то другую накроют. Чистоплюи! — ящер зашипел.
— Значит, и у тебя делишки не очень?
— Угадал. Но я пока что держусь. Старину Залусса не так-то просто выбить из седла!
Они вышли на террасу и уселись трапезничать.
— Формально ко мне вообще невозможно придраться. Я обычный директор гостиницы. У меня семья, дети, теща.— Залусс даже хихикнул от умиления, что-то представив себе, судя по всему — тещу. — Сам прекрасно знаешь. Все как у всех.
Ну конечно, с презрением подумал Борг. «Директор», который держит в кулаке треть города, а остальные две трети делит с такими же криминальными боссами и исправно подкармливает местные власти, чтобы тебе закрывали на все глаза.
— А что касается настоящего заработка, есть и другие направления, — варан взял с блюда еще шевелящуюся еду, свернул зверюшке шею и отправил тушку в рот.
— Какие же? — Борг поискал на столе что — нибудь съестное и желательно жидкое. Ему уже стало жарко, воздух был слишком сух, и от него першило в горле. Выдержать бы до вечера, с тревогой подумал он.
— Ну, — проговорил с набитым ртом Залусс, не особенно заботясь об этикете, — игорный бизнес, плотские развлечения. Спорт, тотализаторы. Мои поединки приносят неплохой барыш.
— Да, — кивнул амфибоид, — о них наслышаны в определенных кругах.
Наконец он увидел что — то хотя бы отдаленно похожее на еду и взял блюдо. В мутной оранжевой жидкости вяло копошились толстые белые личинки.
— Бери, бери! Ктанские жучки — зародыши. Деликатес — пальчики оближешь!
Борг попробовал одного. И правда, угощение оказалось весьма недурно на вкус.
— Вот! У меня все по первому классу! — хвастливо сказал Залусс.
Остаток обеда ящер травил байки и анекдоты различной степени похабности. Все эти юморески были взяты из повседневной жизни и изобиловали довольно специфическим черным юмором. Многие из них обросли длиннющей бородой, но ящера, это похоже мало заботило, он получал удовольствие от самого процесса. Борг вежливо посмеивался, стараясь угодить хозяину, и героически сдерживал зевоту. Когда Залусс иссяк, амфибоид рассказал ему пару своих коронных историй, взятых на вооружение недавно. Эти сюжеты пользовались неизменным успехом как в светской беседе, так и в неформальной обстановке. Борг был эстет, его рассказы изобиловали множеством мелких деталей и нюансов, в которых, по его мнению, и заключалась основная прелесть, но для краснокожего варвара он максимально упростил действие. Залусс в истерике катался по полу, молотя толстым хвостом, словно палицей. Возможно, в этом была виновата еще и бочка какого-то пряного пойла, которую он высосал в три глотка.
К концу трапезы они стали припоминать свои старые дела, конкурентов и коллег. Оба признали, что стареют, и инициативу захватывают молодые, которых всему надо учить и которые не имеют ни малейшего понятия о чести и славных ремесленных традициях. В завершение обеда ящер громогласно рыгнул.
— Боргушка, дружище! — воззвал он, — Еще не вечер! Сейчас мы с тобой увидим грандиозное представление!
Подали платформу. Их доставили в амфитеатр, в ложу для привилегированных персон. Борг осмотрелся. Следовало признать: ящер сказал правду. Амфитеатр поражал своими размерами. На дне его громадной чаши виднелось с десяток существ, копошащихся в пыли. Трибуны были забиты до отказа. Голографический экран выводил над ареной увеличенное изображение происходящего.
Торговец понял, что это гладиаторы, бьются на смерть под рев и улюлюканье многотысячной толпы, чтобы прожить еще день.
Борг напряг зрение. Все происходило очень быстро. На арене уже лежало семь бойцов; только что на его глазах, один отсек другому голову, и сейчас в смертельном танце по кругу кружило трое — паукообразное существо, черно-серая многоножка и двуногий птах с Цефеи-5, вооруженный плазменным резаком.
— Смотри! — закричал Залусс, метнув когтистый палец в направлении арены. — Я его знаю! Опытный воин, одиночка! Он любит поиграть, публика его обожает!
В этот момент арахноид сделал выпад, а многоножка ринулась в атаку с фланга. Птах прыгнул, его противники столкнулись лбами, сцепились жвалами, а в это время он приземлился на спину пауку и вонзил резак в многоножку, отсекая ей переднюю часть. Брызнула синяя жижа, многоножка забилась в конвульсиях, извиваясь всем телом, арахноид отлетел по инерции назад, плюхнулся на брюхо, а оседлавший его птах ловко укоротил суставчатые ноги противника. Гладиатор спрыгнул с поверженного паука, убедился, что тот не может двигаться —лишь сучит культями по песку, и отправился к многоножке. Толпа неистовствовала, на трибунах творилось что-то несусветное. Птах приветственно помахал своим оружием и получил в ответ одобрительный гул. Он неторопливо подошел к извивающемуся телу, воткнул резак в песок, вспорхнул, схватил тварь ногами и разорвал ее в полете еще на две части. Ошметки полетели в разные стороны и влажно шлепнулись на песок.
— Красавец! — восторгался Залусс. — Герой!
Настала очередь паука. Арахноид пятился, отчаянно елозил брюхом по песку, пытаясь достигнуть бортика арены, но спустя секунду его участь была решена. Публика восхищенно аплодировала. Птах жеманно поклонился и ушел, поигрывая резаком.
— Ну как?
— Впечатляет, — признался Борг.
— Этот только первый, разминочный бой! — предупредил ящер. — Еще будет четыре, и все с разными сценариями. Чувствуешь, каково это?
— Что именно? — осторожно переспросил Борг.
Залусс потянул носом, обвел своими глазищами пространство амфитеатра:
— Дух состязания! Запах смерти! Он витает над этим местом, будоражит кровь. Заставляет замирать в предвкушении. Это восхитительное ощущение.
— Пожалуй, верно, — пробормотал торговец.
— Э, что ты там бубнишь? — варан фыркнул. — Похоже, тебе этого не понять. Только настоящий хищник сможет в полной мере прочувствовать всю прелесть показательного убийства. Это удивительно освежает, заставляет по-другому взглянуть на вещи и на саму сущность жизни.
— Да, действительно завораживает, — сказал Борг после некоторых раздумий.
Они смотрели, как прислужники убирают трупы и чистят песок перед новым поединком. Борг задыхался от жары, он чувствовал, как открытые участки кожи покрываются корочкой и мелкими трещинками. Это было больно, но не смертельно и торговец терпел. В довесок ко всему находиться рядом с Залуссом ему было противно — от ящера шел густой тошнотворный запах.
Вторую половину дня они провели, наблюдая за битвами. Залусс подробно рассказывал ему о каждом бойце, о его сильных и слабых сторонах, и том, как ему удалось заполучить этих воинов. Часть из них были его рабами, другие — наемниками. У Залусса имелся большой зверинец с редкими хищными тварями, привезенными сюда со всех концов галактики. Его запасники содержали солидный арсенал самого разнообразного оружия на любой вкус. Его тотализатор принимал сотню тысяч ставок ежедневно. Боргу открылась целая индустрия развлечений, со своими неписаными законами и обычаями.
Борг смотрел на происходящее и все прочнее убеждался в следующей мысли. Всех, кто сражался в этот день на песке, всех, кто побеждал

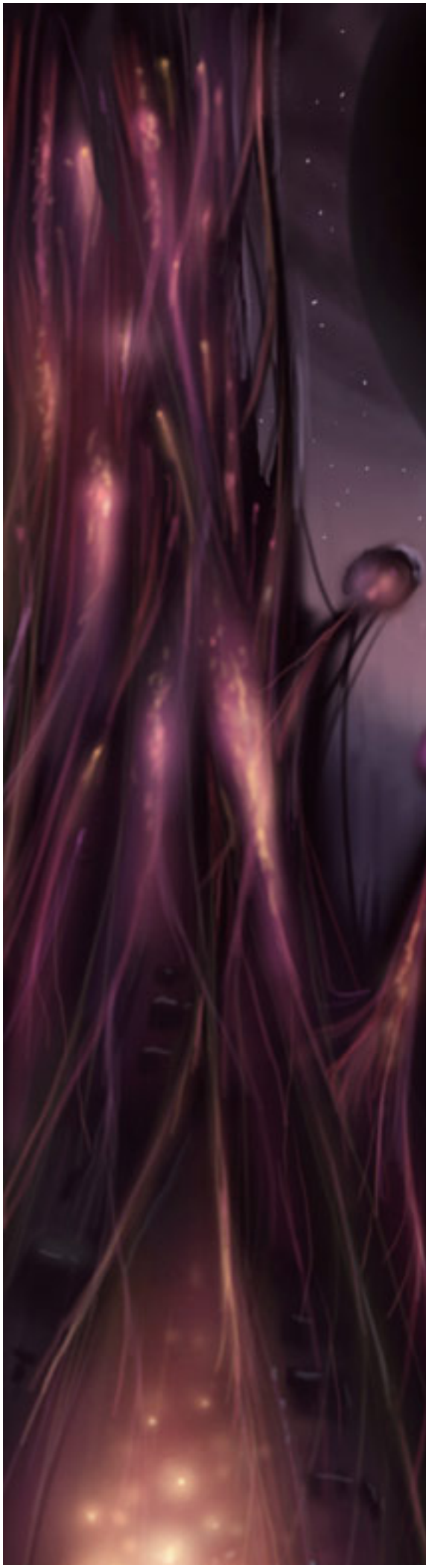
и проигрывал, объединяло одно свойство. Они были убийцами. Как выразился ящер, настоящими хищниками. И их расовая принадлежность не имела здесь никакого значения. Значит, он поступил правильно, и затея имела все шансы на успех.

Настал вечер. Предстояло заняться делом. Разморенный Залусс и его изнемогающий от жары гость прибыли в ангары, куда подчиненные Борга уже доставили контейнеры с товаром. Здесь было прохладнее, и Борг вздохнул чуток свободней. Контейнеры с товаром уже стояли на месте. В том числе четвертый — торговец отдал приказ о его доставке из амфитеатра.
— Что ж, посмотрим, какие подарочки ты мне привез, — Залусс потер лапы.
Амфибоид ухмыльнулся и с важным видом прошествовал к грузу.
— Лот номер один, — Борг сделал знак головастикам и те открыли контейнер. — Ты просил меня достать инвайдеры и защитные генераторы биополя. Надежные, эффективные, энергоемкие. С использованием биологических конструктов инженеров ТихоонаПрайм. Это новейшие разработки, а потому редкие и дорогостоящие. На черном рынке их нет, но мне удалось добыть кое-что — личные связи. Получи и распишись.
Ящер взял образчик, повертел его в чешуйчатых когтях, моргнул и отдал игуане-помощнику:
— Отлично. Дальше?
— Дальше у нас, — Борг подошел ко второму контейнеру, — специи и приправы. Пыльца с Лидоса, зурриканские семена местного боярышника, сушеные травки, орешки и прочие мелочи. Пара баррелей элитного пиратского бурбона. Маркировка в наличии, качество высшее. Все, без чего ты прожить не можешь.
— Да, я чревоугодник, — ящер удовлетворенно закатил глаза и похлопал себя по бледно-желтому пузу. — Так, хорошо. Что там в третьем ящике?
— Сувениры. Редкости. Дерево-шептун. Резиновые камни. Живая ртуть. Амеба-художник. Поющая слизь. Статуэтки и игрушки, — Борг небрежно указывал тонкой перепончатой ладонью на товары. — Все согласно межзвездному каталогу. Я постарался отобрать самые интересные экземпляры.
— Прекрасно. Друг мой, ты как всегда, держишь слово! Все в точности, как я и просил. Ты один из самых надежных и достойных коммерсантов в рукаве Лебедя! Прими же оплату за свои труды, — Залусс махнул рукой, и игуаны принесли прозрачный пузырь, доверху наполненный чем-то искрящимся. Это были мелкие камешки, игравшие на свету всеми цветами радуги.
— Ровно миллион шемшерских докуров, — объяснил ящер. — Как и договаривались. Натуральный продукт.
— Ты очень любезен, Залусс, — Борг склонился в низком поклоне. — Я к твоим услугам. Готов выполнить любой твой заказ, все, что пожелаешь. И все, что в моих силах, разумеется.
Залусс молчал — он смотрел на четвертый контейнер, по размерам превосходящий остальные примерно в два раза.
— Скажи-ка, а что в этом большом ящике? Он ведь тоже твой?
— О да, мой, — Борг выпрямился и театрально приложил ладони верхних рук к груди, а ладони нижних простер к партнеру, — Это сюрприз.
— Сюрприз? Вот как? Может, расскажешь, что это за сюрприз такой?
— С радостью! Мой дорогой Залусс, я привез тебе нечто редкое и чрезвычайно ценное. Это связано с твоим игорным бизнесом и, хочется думать, очень пригодится тебе в…
— Да говори же, что там! — хвост ящера задергался от нетерпения.
— Там находятся две сотни самых опасных и кровожадных хищников во всей известной Галактике.
— Правда? — воскликнул варан. — Ты серьезно?
— Абсолютно. Эти существа беспощадны и кровожадны, они не знают страха и сомнений, они способны уничтожить любого противника. Это живые машины смерти. С ними следует обращаться чрезвычайно аккуратно.
— Они разумны? Они умеют думать?
— Как и любое домашнее животное. И между прочим, очень дорого стоят.
— Цена не вопрос. Покажи мне их! Покажи!
— Терпение, — Борг собственноручно открыл боковую стенку контейнера, она отъехала в сторону и глазам зрителей предстала клетка с заключенными в нее существами.
Варан подошел ближе. Существа загомонили и отпрянули к противоположной стене клетки. Они жались друг к дружке и испуганно глазели на тех, кто был по ту сторону прутьев. Здесь были самцы, самки и детеныши. Некоторое время Залусс пристально рассматривал существ.
— Ты что, издеваешься? — он повернулся к торговцу. Гребень на его хохолке встал дыбом.
Борг часто заморгал в знак непонимания.
— Какие же это хищники?
— Самые что ни на есть настоящие.
— Это?! Засоси меня трясина! Нет, ты смеешься надо мной! Это шутка, да?
— Нет, Залусс. Без шуток. Ты помнишь, чтобы я когда-либо вообще шутил?
— И то верно, — буркнул варан.
— Но ты мне скажи, в каком месте эти заморыши могут считаться хищниками? Да их даже мои чердачные тараканы уделают!
— Я все объясню….
— С какого, скажи ты мне, перепугу, — распалялся Залусс, — их следует называть хищниками? У них есть острые зубы? Отвечай на мой вопрос. Есть у них клыки, способные порвать плоть на клочки?
— Нет, — ответил Борг.
— У них есть бивни, рога, когти, шипы? Жала? Броня, на худой конец?
— Нет…
— Может быть, они плюются ядом? Или способны маскироваться? Они быстро бегают или летают?
— Вроде нет.
— Да они же лысые! И тощие. Фу, какое убожество, — ящер разочарованно отступил.— Я думал, ты покажешь настоящих монстров.
— Ты, кажется, не совсем понял, о чем идет речь, — вкрадчиво произнес Борг. — Эти существа — искусные приспособленцы. Их сила заключена не снаружи, а внутри. Они умеют конструировать оружие.
— Что-то верится с трудом!
— Так и думал, что тебе понадобятся дополнительные аргументы.
Варан скептически смотрел, как торговец вынимает, устанавливает на каменном полу и включает карманный проектор. Прежде, чем нажать на кнопку, он сказал:
— Материал, который ты сейчас увидишь — древний раритет, и достался мне от одного антиквара на противоположном краю галактики. Даже не спрашивай, откуда он у него взялся — старьевщик и сам не знает. Там заснято несколько войн, которые они учинили на родительской планете. Следи за деталями. Я увеличу четкость.
Залусс увидел проекцию сотен существ, сородичи которых находились сейчас в клетке. Существа из хроники были увешаны какими-то приспособлениями и занимались тем, что убивали друг друга, а также разрушали окружающие предметы. Все взрывалось и горело, причудливые самоходные механизмы изрыгали снаряды и куда-то катились. Мертвые и раненные существа в огромном количестве валялись на земле. Один ролик сменился другим, где эти же существа занимались уничтожением и разрушением, только с использованием новых орудий и агрегатов… Затем возникла запись поединка двух самцов на примитивных колющих штыках. Каждый стремился проткнуть другого, и оба искусно бились, высекая искры из металла. Вот один допустил оплошность, а второй тут же нанес разящий удар. Враг упал на колени, слабо отбиваясь, но самец довершил начатое тремя мощными ударами. Смерть. Победа — самец ликовал.
— Похоже, они ведут себя как разумные существа, — поделился впечатлениями ящер.
— Да, но это только видимость. Их действия и поступки иррациональны. Научно установлено, что это всего лишь инстинкт. Археологи утверждают, что их цивилизация

не смогла преодолеть порог Кмера и разрушила сама себя. Выжившие быстро деградировали, но их природа осталась прежней. И так повторяется из цикла в цикл. История их существования — это история уничтожения живых существ. Всю свою жизнь они ведут нескончаемые войны, которые совершенствуют их навыки. Это настоящие демоны, Залусс. То, что ты считаешь развлечением, для них — смысл существования. Как раз то, что тебе нужно.
— Признаться, ты меня заинтриговал! Если все так, как ты утверждаешь…
— Я предельно откровенен с тобой, — проворковал Борг.
— Ладно, по рукам! Называй цену! — рявкнул ящер, поглядывая на клетку.
— Если учесть, что их вид вымирающий, а популяция насчитывает что-то около полумиллиона особей — так сказал мне один космозоолог — двести голов обойдется тебе в два миллиона докуров.
— Что? Да ты…
— Э нет! Даже не раскрывай свой рот, братец! — ядовито огрызнулся Борг. — Я тебе еще скидку делаю. На выгодных условиях продаю — с инструкцией по уходу и банком зародышей в тысячу штук! Или берешь сейчас — или я найду другого покупателя, а без хозяина эти милые зверьки не останутся, уверяю! Думаешь, ты один такой коллекционер?
Ящер гневно зашипел, вонзив когти в воздух.
— Будь осторожен в выражениях, мой зеленый дружок, — злобно выдохнул он. Потом подумал и добавил, — Впрочем, не думаю, что нам стоит ссориться из-за каких-то хомячков, не так ли? Хе-хе-хе! Так уж и быть, я заплачу.
— Вот и договорились. Советую внимательно прочесть инструкцию-описание, а то возникнут проблемы с их содержанием, — Борг передал ящеру документ, — Дышат они воздухом, питаются белком. Еще им нужна вторая кожа, без нее они мерзнут. И желательно содержать их в каком-нибудь заповеднике: там они быстрее размножаются и развиваются. Хотя, поступай, как знаешь.
Игуаны приволокли еще два пузыря с драгоценными камешками.
— Учти, если ты надул меня… — ящер ударил кулаком в ладонь.
— Это исключено! — возмутился Борг.— Мы столько лет успешно сотрудничаем, и я еще ни разу не подводил тебя.
— Вид у них больно хилый.
— Внешность бывает обманчива. Попомни мое слово — ты еще новую партию затребуешь.
— Может, погостишь денек-другой? — предложил Залусс.
— Благодарю, но вынужден отказаться. Здешний климат плохо сказывается на моем здоровье.
— Понимаю, понимаю, — проговорил ящер.
— С твоего позволения я пойду. Будут заказы — свистни, я всегда на связи.
— Конечно.
— Всего хорошего, — Борг церемониально поклонился и стал отступать задом к платформе, а варан оставался на месте и внимательно наблюдал за его передвижением. Наконец амфибоид со своей свитой запрыгнул в транспорт и улетел. Контейнеры остались.
Ящер посмотрел на своих помощников, на товары, на клетку. Задумчиво поскреб когтем подбородок и раскрыл инструкцию…

Борг снял гидрокостюм только тогда, когда его торговый крейсер покинул Шемшеру и устремился за пределы системы. Первым делом он нырнул в ванну и отмокал там несколько часов. Пережитый за день стресс нужно было срочно чем-то заглушить. Получилось! Ему удалось провернуть сделку! Три миллиона докуров в кармане! И как можно быть таким простофилей? — искренне подивился он. Прежде, чем покупать товар, всегда наводи справки о том, что ты берешь. Но у жадины и взгляд загребущий. Варвар получил то, что хотел. Ему нужны были хищники — он получил хищников и очень скоро убедится, что Борг говорил об их сущности чистую правду. Правда, он дипломатично умолчал об одной мелкой детали. Эти существа нуждались в свободе так же, как и в хлебе насущном. Эти существа пойдут на все, чтобы заполучить свободу. Борг сам чуть не стал их жертвой — дважды они пытались сбежать из клеток, и каждый раз побегу мешала чистая случайность. Борг не испытывал никакой жалости ни к Залуссу, ни к остальным жителям обреченной планеты. Это был его последний визит сюда.

…На титульном листе инструкции было написано: «HomoSapiens — Человек Разумный. Руководство по содержанию».
И далее: «Внимание! При обращении с этим видом хищников проявляйте максимальную осторожность! Этот вид представляет смертельную опасность». Затем следовали страницы убористых иероглифов со схемами.
— А, что за скукотища! Пусть укротители читают эту дребедень, — ящер сунул руководство помощнику и распорядился: — Перевезите их в зверинец. Отберите парочку крепких самцов и дайте им какое-нибудь оружие. Мне не терпится посмотреть на них в действии.



КАК ПОЙМАТЬ ДЕДА МОРОЗА (ПОСОБИЕ ДЛЯ ДОМОХОЗЯЕК)

М. ЛИСОКОВСКИЙ А.К.А. ДОКТОР СПРУТ

I. Теория

После многих вскрытий и анализов наша отечественная наука доказала, что так называемые "деды морозы" являются маленькими зелеными пришельцами, которые прилетают к нам под Новый год. Вплоть до XIX века эти хитрые существа похищали с Земли снегурочек — прекрасных лесных девушек, из которых в былые времена лихие молодцы делали снежных баб. В обмен на дев пришельцы дарили своим поставщикам дешевую бижутерию, что и породило традицию ожидания каких-то дармовых подарков, оставленных для вас под елкой.
Хищения снегурочек проводились в таких гигантских масштабах, что в данное время их можно найти только в рязанских и воронежских лесах. Однако лохматые пришельцы продолжают прилетать на Землю и рыскать по домам людей, надеясь отыскать снегурочек около наших новогодних елок. Вы можете поймать одного из этих бородатых "старичков" и использовать его в домашнем хозяйстве — например, для замораживания продуктов питания без дорогостоящего электрического тока. Выполнив десять несложных действий, вы заведете в доме собственного пришельца, с которым будете вступать в контакт на благо страны и мирового сообщества.

II. Метод

1. Купите воздушный шарик с пищалкой и аккуратно извлеките из него устройство, издающее визг.

2. Приобретите в ближайшем секс-шопе надувную куклу.

3. Помните, пришельцы обладают способностью бесшумно проникать в любые помещения и также бесшумно исчезать из них. К счастью, они очень пугливы и чувствительны к ударам по голове. Если вы хотите ошеломить вашего незваного гостя, приготовьте большую сковородку (желательно, фирмы "Цептер").

4. Вытащите из надувной куклы ниппель и вставьте вместо него пищалку от шарика.

5. Надуйте куклу и заткните отверстие пищалки длинной деревянной пробкой (можно использовать заточенный обломок карандаша).

6. Нарядите куклу в белое платье и парик с длинной русой косой. Очистите от хвойных иголок место под елкой и положите туда изготовленную вами "снегурочку". Для убедительности повесьте на ветку шерстяной носок или положите рядом с наживкой ваши тапочки. Пусть Дед Мороз считает, что вы предлагаете ему традиционную сделку наших простоватых предков.

7. Привяжите к концу деревянной затычки тонкий шпагат, а другой его конец закрепите на стволе новогодней елки. Замаскируйте шпагат ватой и блестками.

8. Отметив праздник шумным застольем, выключите свет и спрячьтесь в соседней комнате за дверью. Дед Мороз, привлеченный запахом шампанского и разноцветными огнями елки, тихо проберется в ваш дом, увидит снегурочку и попытается утащить ее с собой. В момент рывка деревянная затычка вылетит из пищалки, и раздастся пронзительный визг.

9. Услышав сигнал тревоги, ворвитесь в комнату и тресните воришку тяжелой сковородой. Когда он рухнет на пол, влейте ему в рот стакан водки или коньяка. Пришельцы слабы к алкоголю, и эта доза "вырубит" его на целые сутки.

10. Убедитесь, что перед вами действительно Дед Мороз, а не муж и не сосед, зашедший поздравить вас с праздником. Если вы поймали пришельца, поместите его в холодильник, и пусть он сидит там до следующего вечера. Космический корабль улетит на далекую планету по расписанию и оставит неудачника на Земле. В течение года пойманный Дед Мороз будет находиться в вашем распоряжении, и мы надеемся, что за это время вы сумеете удовлетворить свой интерес к исследованию чуждого нам разума.

Желаем удачи!

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

ФИЛИПП КЮРВАЛЬ
Перевод И.Найденкова
Источник: журнал "Fiction»,№ 63, 1959.

Римлянин медленно поднялся с ложа, потянулся, зевнул, потер глаза и, окончательно проснувшись, подошел к календарю — это стало у него чем-то вроде ритуала. 29 год до Рождества Христова. В сотый раз он задал себе вопрос, что бы это могло значить, и кто такой был этот Христос, в честь которого был реформирован календарь.
Конечно, за последние десять лет он узнал множество поразительных и непонятных вещей, но почему-то его больше всего интриговали эти несколько загадочных слов.
Он покрутил краны и вскоре с наслаждением погрузился в ароматизированную воду, наполнившую хрустальную ванну. В таком положении он мог оставаться часами.
Дела процветали, ему оставалось только время от времени посещать офис компании «Будущее Инк.», чтобы обеспечить себе безбедное существование, получив в очередной раз порцию солидных дивидендов. В свое время — хвала Юпитеру — его отца осенила блестящая идея. Он взял несколько тысяч талантов из семейной сокровищницы и доверил их человеку, которого тогда все считали безумцем; впоследствии оказалось, что это величайший гений эпохи. О, боги, но почему все-таки Лукулл реформировал календарь?
Римлянин вылез из ванны, обсушил тело простыней, оделся и отправился на Форум, чтобы повидаться с друзьями. В то время общественная площадь оставалась единственной не снесенной и не реконструированной частью Великого города. Так приятно было побродить здесь пешком, не испытывая раздражения от тысяч вездесущих автомобилей…
Разумеется, эти механизмы весьма полезны как средство передвижения на большие расстояния, но так хотелось избавиться от ядовитого запаха бензина в городе! Гораций стал одним из самых уважаемых для нашего римлянина поэтов после того, как яростно выступил против уничтожения Форума и за запрет автомобильного движения на его территории.
Несмотря на то, что наш римлянин был одним из основных держателей акций компании, он не был посвящен в ее секреты, и подобное положение дел порядком портило ему настроение. Но Август — это Август, и здесь ничего нельзя было поделать. К тому же, Лукулл не предпринял ни малейшего усилия, чтобы сын его лучшего друга оказался среди фаворитов императора и мог принимать участие в заседаниях Совета Шести. Этот Совет принимал важнейшие решения, определявшие деятельность компании, и ни один предмет из числа доставляемых исследователями из экспедиций, не мог стать общественным достоянием без разрешения Совета. Какая-либо контрабанда полностью исключалась
Римлянин знал только, что еще ни разу никому не удалось проникнуть в будущее дальше 1966 года после Р.Х.; какие-то неведомые силы противодействовали попыткам преодолеть этот рубеж. Он знал также, что нигде и никогда не сообщалось о результатах самых первых путешествий Лукулла. Сам Август, по его словам, не смог проникнуть в секреты первых экскурсий в будущее, что позволяло предполагать существование за всем этим каких-то волнующих тайн.
На Форуме беседы шли по давно накатанному кругу; говорили, что вскоре в продажу должны были поступить машины, называвшиеся геликоптерами, способные передвигаться по воздуху со скоростью, в несколько раз быстрее автомобиля. Римляне не были особенно сильно потрясены этой новостью; за прошедшие десять лет им пришлось познакомиться с таким количеством поразительных новинок, коренным образом изменивших жизнь, что теперь их трудно было удивить чем-либо по-настоящему. Конечно, никто не понимал принципа действия большинства устройств, продававшихся в лавках; естественно, это приводило к их быстрой порче, но компания считала подобное положение дел выгодным для нее, так как выход механизмов из строя способствовал росту продаж, что автоматически увеличивало и без того достаточно высокие прибыли.
Бродячая торговка прошла по площади, оглашая воздух хриплыми криками:
— Айскрим сода! Айскрим сода!
Римлянин купил порцию, чтобы утолить жажду; жара летнего дня и болтовня с друзьями порядком пересушили ему рот.
— Вам не кажется, Кай, что название этого продукта звучит как-то уж слишком по-варварски?
— Дорогой мой, — ответил сосед, к которому он обратился, — из этих слов можно сделать вывод, что в вашем образовании имеются существенные пробелы; вы сильно отстали от своего времени. Очевидно, именно это и не позволило вам войти в состав совета, одним из основателей которого был ваш отец.
— Возможно, вы правы, но это не помешает мне считать, что «Айскримсода» — совершенно варварское название.
На этом разговор заглох, так как наш римлянин не любил, когда кто-нибудь из знакомых напоминал ему о совете, в который он не попал. Он встал и направился к современным зданиям на левом берегу Тибра, где находился его гараж.
Он уселся за руль своего «Цицерона» — эта большая спортивная машина была названа правнуками великого оратора в честь своего знаменитого предка — и устремился по направлению к Капуе, городу, запретные радости которого он ценил превыше всего. Не заботясь о расходах, он стремился получить от жизни как можно больше удовольствий, избегая ставить перед собой проблемы, которые все равно никогда не смог бы разрешить — или из-за недостатка данных, или по другим причинам.
Перед заходом солнца он вернулся в Рим. Этим вечером в цирке должно было состояться совершенно необычное представление: впервые в анналах города на растерзание хищникам должны были бросить группу христиан. Никто не знал, кем были эти христиане; одни считали их представителями каких-то диких племен, другие же вообще называли их странными животными. Тем не менее, рекламное правительственное агентство провело гигантскую подготовительную кампанию, и

интерес оглушенных рекламой римлян к этому мероприятию непрерывно возрастал.
Вокруг совсем недавно реконструированного Колизея кипела огромная толпа. Воздух под светлым римским небом с уже появившимися на нем немногочисленными звездами, был насыщен густой пылью, поднимаемой ногами нетерпеливых зрителей. Все спешили усесться на скамьи, покрытые специальной губчатой резиной, о мягкости которой рассказывали чудеса.
У нашего римлянина были персональная ложа; он прошел в нее особым коридором, о котором знали немногие посвященные, самые именитые жители города. Он расположился на сиденье, сгорая от нетерпения.
Вскоре он увидел, как в соседнюю ложу вошли члены Совета Шести, включая самого Августа. Толпа приветствовала своего императора радостным могучим ревом.
Спектакль начался обычными боями гладиаторов. Потом на быстро смонтированном круговом панорамном экране была показана одна из самых свежих грандиозных кинокартин на мотивы египетской истории. В последнее время римская служба проката была буквально завалена продукцией египетских кинокомпаний.
Наконец, со своего места поднялся Лукулл.
— Народ Рима, сегодня вы впервые увидите на арене потрясающее зрелище: хищники терзают христиан. Я передаю слово нашему императору — великий Август объяснит исключительное значение представления, что сможет пробудить к нему еще более жгучий интерес.
Август встал, приняв подобающую случаю величественную позу.
— Народ Рима! Сегодняшний день — великий день! Я, живой бог на Земле, император всего цивилизованного мира, должен заклеймить перед тобой будущие деяния приверженцев Христа. Ты еще не знаешь, что они проповедуют, но это именно они в будущие столетия осмелятся отрицать не только мое божественное происхождение, но и существование Юпитера, нашего властелина. Пока среди вас еще нет христиан, и я надеюсь, что мы никогда не познакомимся с ними, если ты так захочешь. Поэтому я окрестил — о, что я говорю, какая профанация! — я назвал христианами нескольких жителей одной из далеких северных провинций. По моему приказу их доставили в Рим в цепях, чтобы ты увидел, как карается святотатство, на которое они осмелились. Если игры понравятся тебе, о, римский народ, то тогда я раскрою перед тобой свой план.
Под вопли беснующейся толпы, на арену выгнали группу мужчин и женщин в прозрачных тогах; почти сразу же поднялись решетки, и на арену вырвались хищники. Пытавшиеся спастись бегством христиане были быстро убиты и растерзаны на глазах у восторженной толпы.
Спектакль закончился, и Август снова поднялся на ноги.
— Понравилось ли тебе зрелище, о, народ Рима?
Ответом было буйство одобрительных возгласов; крики безумствующей толпы многократным эхом повторили слова императора.
Римляне всегда жаждали увидеть кровь, особенно, с тех пор, как стали без труда выигрывать все сражения благодаря появившемуся у них новому оружию; при этом, мужество и боевой азарт воинов не могли удовлетворяться так, как это было раньше, когда они должны были прокладывать себе путь к победе, прорубаясь через ряды врагов.
— Видел ли ты, о, римский народ, насколько эти христиане лишены мужества, чтобы достойно встретить смерть?
Все зрители вскочили на ноги, вытянув вперед сжатые в кулак руки с опущенным вниз большим пальцем.
— Итак, я решил, — продолжал Август, — что я и мой народ не должны увидеть, как настанет время господства этих ничтожных людишек, не должны увидеть гибель наших богов. Мы должны отправиться в путешествие назад во времени, должны вернуться в славную эпоху наших отцов, не познав таким образом унизительную для нас жизнь, не достойную нашего величия.
— Мы идем за тобой, Август! — завопила толпа.

***

В течение всего нескольких следующих дней было создано контрольное бюро. Римляне, отстояв в гигантских очередях, записывались там, и как только набиралась группа в сто человек, их тут же отправляли на десять лет в прошлое.
Наш римлянин последовал за всеми, с той только разницей, что он совершил это путешествие в персональной кабине. Вернувшись в прошлое, он встретил своего отца, скончавшегося два года назад, в 31 году до Р.Х.
Получается, что он так никогда и не узнает, кто такой Христос и что представляют собой его последователи… Впрочем, кое-что немного прояснилось: если Лукулл и Совет Шести реформировали календарь и начали отсчитывать годы, приняв за начальный год некую определенную дату будущего, то это могло означать, что они рассчитывали никогда не достичь этой даты. Таким образом, великая слава Августа никогда не померкнет, и римский народ не испытает унижений, увидев свергнутыми своих богов и разрушенным могущество своего государства. Солнце никогда не взойдет на заре нулевого года.
Тем не менее, возврат на десять лет в прошлое не обошелся без некоторых происшествий, которые стоило считать, по меньшей мере, странными. Как уже говорилось, ниш римлянин встретил отца, находившегося в полном здравии, тогда как он был свидетелем его кончины два года назад. Он снова пережил его смерть в 31 году, но, после очередного возвращения назад во времени, опять увидел его живым и здоровым.
После нескольких повторений эта игра начала утомлять его. Битва при Акциуме была выиграна три раза, хотя она и пришлась на несколько различавшиеся даты, что соответствовало новым политическим реалиям. При этом каждый раз римлянами применялось все более и более совершенное оружие. Ходили слухи, что в следующий раз собирались применить бомбу, называвшуюся атомной. Все надеялись, что ее использование избавит Рим от необходимости вновь и вновь выигрывать это сражение в дальнейшем.
Нашему римлянину накануне четвертой смерти отца исполнилось 50 лет. На этот раз он предпочел покончить смерть самоубийством, чтобы возродиться в теле, ставшем на десяток лет моложе. Появлявшиеся при этом дубликаты самих себя, которых римляне встречали, вернувшись в прошлое, уничтожались в обязательном порядке, чтобы не усложнять и так достаточно сложную ситуацию. В результате появилась и процветала весьма доходная профессия, потому что было несколько затруднительно хладнокровно убить себя самого; использовавшиеся с этой целью наемники получали бешеные деньги за выполнение столь необходимой, но жуткой работы. Бывали случаи, когда вместо

возвращения в прошлое люди бесследно исчезали, вероятно, из-за каких-то ошибок в настройке аппаратуры.
Римлянин находил свою жизнь все более и более монотонной. Он страдал из-за того, что возрождавшийся к жизни отец каждый раз брал на себя все руководство семейными делами, лишая его, таким образом, возможности свободно тратить деньги. Помимо этих понятных затруднений, его не переставало мучить желание выяснить, кем все-таки был Иисус Христос. В конце концов, он обратился к одному из членов Комитета Шести, его наиболее близкому знакомому, относившемуся к нему с почти отеческой любовью.
— Эти исчезновения, эти роковые ошибки, о которых так много говорят, не ваших ли это рук дело?
— Действительно, мы иногда вызываем исчезновения, потому что люди, не способные противостоять желанию познать будущее, становятся нежелательными элементами в нашем мире.
Но только всемогущие боги в состоянии поведать, что происходит с несчастными, отказывающимися подчиняться циклическим сменам юности и старости, потому что нам удалось получить искажения только в пространстве, но не во времени.
— Не мог бы ты оказать мне подобную услугу? Я старею, и я не думаю, что это такое уж разумное решение — постоянно омолаживаться на все те же самые десять лет дол скончания времен. Я устал от нашего повторяющегося мира, мне хочется перед смертью повидать и другие горизонты. Если ты поможешь мне, я завещаю тебе все свое богатство; представляю, что за физиономия будет у моего папаши, когда он поймет, что остался нищим — это будет прекрасный повод, чтобы повеселиться.
— Что ж, я готов помочь тебе, мой друг.
И римлянин вошел в свою персональную кабину, оставив сообщнику обещанное завещание. Все помутилось в его глазах, реальный мир исчез, и кабина увлекла его к неведомой судьбе.

***

Когда кабина остановилась, ему показалось, что он оказался на Земле, хотя небо было глубокого зеленого цвета, едва ли не черное. Похожее на земное солнце сияло на небосводе, но рядом с ним можно было различить звезды.
Римлянин вышел из кабины. Воздух был вполне пригоден для дыхания, но дышалось с трудом из-за разреженности атмосферы. Он очутился на просторной площади, обнесенной необычно высокой стеной. По всему периметру в стене виднелось множество прямоугольных дверей.
Люди очень маленького роста с непропорционально большими головами, появившиеся из этих дверей, бросились к нему и, не сказав ни слова, утащили куда-то его кабину. Потом они притащили огромную книгу, на страницах которой, насколько он смог понять, повторялась одна и та же фраза, написанная разными знаками на разных языках.
Перелистав множество страниц, он наткнулся на текст, написанный на латыни:
«Человек, прибывший к нам из иного времени или иного пространства, ты находишься на перекрестке, где встречаются тысячи параллельных миров и тысячи разных времен, когда-либо существовавших на планете Земля. Если ты заблудился или прибыл к нам с визитом, обратись в кабинет со знаками Ω или Ø на прикрепленной к двери табличке.
Римлянин долго шел вдоль обрамлявшей площадь стены, пока, наконец, не увидел на одной из дверей символ, приведенный в книге.
— Привет, чужестранец, — обратился к нему лысый человечек с огромной головой. — Что ты хочешь узнать? Но прежде расскажи о своих приключениях, о том, как ты попал сюда.
Римлянин рассказал ему все до малейшей детали.
— Исключительно любопытно. Я думаю, что ты попал к нам из мира № 350007, если считать, начиная с ≠□∞; это, пожалуй, единственный случай, когда мир отказался идти по пути эволюции. Поэтому у твоего мира не было будущего, и он постепенно весь растворился в прошлом. После пятидесяти циклов возвращений во времени, с которым ты сталкивался всего несколько раз, время в вашем мире двинулось в обратную сторону, если так можно выразиться. Люди постепенно выродились и превратились в обезьян, птицы — в рептилий. Короче, все живые существа прошли путь биологической эволюции в обратном направлении, вернувшись, в итоге, в морскую среду, из которой когда-то вышли. Затем — через много миллионов лет — планета разогрелась, расплавилась и слилась с Солнцем.
— Неужели при этом каждый человек пережил заново всю свою жизнь, но в обратном направлении?
— Разумеется, до самой мельчайшей подробности. Каждый взрослый человек постепенно становился все моложе, превращался в ребенка, ребенок возвращался в материнское лоно; все повторялось; например, повторялись и пожары, но при этом сгоревшие здания возрождались из пепла, словно птица-феникс. Можно было бы привести тысячи других примеров, но мне просто некогда перечислять все то, что ты без труда сможешь представить сам.
— А Иисус Христос?
— Он никогда не существовал в твоей Вселенной.
— А как же будущее, из которого в наше время доставлялось столько чудесных механизмов и устройств?
— Скорее всего, вы находили их в одной из параллельных вселенных; но это предположение следует проверить. Ведь если бы будущее, из которого к вам попадали все эти чудеса, было вашим будущим, то оно неизбежно подверглось бы серьезным изменениям из-за достигнутого вашим обществом прогресса. Я думаю, что этот параллельный мир отстоял от вашего всего лишь на незначительную долю градуса.
— Значит, я так никогда и не узнаю, кем был или будет этот Христос?
— Почему же, ты ведь можешь познакомиться с тысячами его других явлений. Этот человек существовал в тысячах других Вселенных, иногда под другими именами, иногда в совершенно ином облике. Иногда его мир так и не замечал его появления; кое-где его быстро забыли; но это не имеет никакого значения, потому что это всего лишь один из этапов общей эволюции разума.
Впрочем, если тебя интересуют вопросы религии, ты можешь обратиться в кабинет ₸ + □. Если хочешь, мы можем даже отправить тебя в какой-нибудь из миров, наиболее похожих на твой, и там ты сможешь узнать, кем был Иисус Христос и познакомиться с его жизнью и учением. Но я советую тебе, прежде всего, подумать о своей удаче — ведь ты все еще жив, а если бы ты остался в своем мире, то сейчас ты бы уже не существовал, и тебя вообще никогда не было бы. Впрочем, можешь использовать свою удачу как хочешь.

ИНТЕРВЬЮ

МАРИЯ СЕДАКОВА

Седакова Мария Сергеевна
http://vkontakte.ru/id16706048

Возраст: **22 года**

Страна проживания: **Россия, г.Тюмень**

Семейное положение: **не замужем**

Дети: **нет**

Хобби: **рисование, игра на фортепиано, путешествия**

Любимый автор и книга: **Достоевский — «Идиот», Булгаков —«Собачье сердце»**

Начала заниматься фотографией в **2009 г.**

Любимый фотограф: **нет**

Любимый стиль фотографии: **винтаж, ретро, классика.**

Где училась фотографировать: **самообучение**

Как вы стали фотографом?

С детства увлекалась рисованием, с возрастом время на это становилось все меньше.Фотография стала некой заменой рисунка, в процессе создания которого, я погружалась в созданный мною мир.

Как вы можете описать свои работы?

На мой взгляд, мои работы немного депрессивны, но в тоже время, в них присутствует детская наивность и доверчивость,вера в сказку и чудо, что в моем возрасте, с точки зрения современного общества, достаточно глупо и не вполне позволительно. Я же, со своей стороны осуждаю излишнюю материальность и приземленность общественных настроений. Возможно, из за этого, при съемке сюжетов стараюсь выбирать образы немного отдаленные от действительности. С течением времени характер моих работ, безусловно, будет меняться, но я бы не хотела стать зеркалом, отображающим реальность и идеалы современного мира.

Что больше всего влияет на ваши работы?

Образы, возникающие у меня в голове, обрывки снов, впечатления и чувства — главные факторы, влияющие на мои работы.

Каков наивысший успех в вашей карьере?

— мммм….. я не знаю что ответить, можно не отвечать?)))

В чем вы находите вдохновение?

В большинстве случаев, источником вдохновения для меня являются сны,природа, люди и музыка.

Редакция журнала «Транзит» приносит извинения за ошибку, допущенную в предыдущем номере: Псевдоним автора рассказа "Прыжок" не Мит Ник, а Мель Ник. Теперь мы запомним.

ХИМИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ С МАТЕМАТИЧЕСКИМ ФИНАЛОМ

МЕЛЬ-НИК

Когда ты стоишь на пороге великого, то подросту не имеешь права на ошибку
МЕЛЬ-НИК

Запах, исходящий от светло-золотистой жидкости на столе, был с едва ощутимой горчинкой, но, в общем, очень даже пикантный и приятный для носовых рецепторов. Старик, дрожащими от волнения и усталости руками, схватил какую-то замасленную и испачканную химическими реагентами тетрадь и, раскрыв её по закладке, записал:
«30 августа 2010 года, понедельник. Этот день, безусловно, войдёт в историю, как самый великий из всех, когда-либо прожитых человечеством! Я, Хейз Хенберн, простой учитель химии в общеобразовательной школе, не профессор и не академик, не Нобелевский лауреат, даже не университетский преподаватель, а всего лишь простой школьный учитель, стал, в конечном счёте, величайшим гением нашей цивилизации!
Мне удалось рассекретить Тайну Бытия, узнать, что такое жизнь и выделить её эссенцию в чистом виде. Я смог получить жизненную жидкость, влагу, или, если хотите, эликсир, как называли эту смесь древние алхимики. Да, теперь я могу испить из источника Жизни, могу почувствовать её вкус, её действие на мой изможденный старостью организм. Вот он стоит перед моими глазами, этот эликсир, но я не пью его, нет, я сначала изолью на бумаге все, скопившиеся у меня за столь продолжительное время переживания, а потом уж смогу сполна насладиться своим детищем, опьянеть от него до потери сознания и забыться в грядущих годах бесконечного счастья. Но это всё в перспективе, а пока лишь только сухие научные факты — ведь я, прежде всего, учёный, а уж потом счастливый человек.
У меня получилось — без огромного штата помощников и лаборантов, без достойного помещения, без денежных вливаний, наконец, в то время, когда у моих конкурентов, правительственных учёных, было всё вышеперечисленное и они, несмотря на это, абсолютно ничегошеньки не добились.
Почему? Да потому, что начинали абсолютно не с того конца.
У этих примитивистов просто нет научной фантазии, они не способны видеть дальше собственного носа, вот и всё!
А теория-то сама по себе очень проста! Я опущу ненужные подробности о том, как я её искал, какие расчёты и формулы применял для подтверждения правильности моих выводов, я расскажу лишь суть Теории Жизни.
Итак, жизнь или, иначе, вещь, которая удерживает душу живого в теле — это материя, её можно ощутить, окунуть в неё пальцы, даже выпить — что я, кстати, в конечном счёте и сделаю. Но если быть более точным это не материя, а антиматерия. Осознание того, что жизнь является антиматерией есть самым важным в моей теории. Представим себе температурную шкалу — деления на ней идут от отрицательных чисел через ноль до положительных. Вот так точно и человеческий век идёт вдоль минусовой графы вверх, на отметке «ноля» наступает агония — и с наступлением числа «+1» человек умирает. Всё дело в том, что душа любого существа заключена в оболочку, сделанную из антиматерии. Оболочка эта постепенно испаряется под влиянием различных факторов, становится всё тоньше и тоньше и, наконец, наступает момент, когда она попросту не в состоянии больше удерживать душу в теле и душа вырывается на волю — человек умирает. Толщина оболочки для каждого человека сугубо индивидуальна, поэтому и срок жизни тоже существенно варьируется у разных людей. Бывают, конечно, случаи очень быстрого испарения антиматерии в результате насильственной смерти или несчастного случая, но они требуют отдельного рассмотрения.
Кроме непосредственно антивещества в состав жизни входит ещё несколько важных ингредиентов, однако концентрация антиматерии в полученном растворе составляет более 96 %. Не буду, также, описывать, как мне удалось раздобыть несколько микрограммов антивещества, которые я потом размножил искусственным способом, скажу лишь, что мне помог в этом деле один очень влиятельный друг — да, и у учителей таковые бывают! Тем более не считаю нужным упоминать в данном докладе расчёты, которые я использовал для определения остальных веществ входящих в состав эликсира. Укажу лишь на результат — я гений, сумевший разгадать формулу бессмертия и моё имя будет вписано в историю открытий слезами благодарного человечества.
Сам же я стану бессмертным и смогу вечно наслаждаться всеми прелестями жизни самого богатого человека в мире. Я очень стар, уже за восемьдесят, и хотя во мне ещё теплится минусовая жизнь, думаю, если бы не моё изобретение, я протянул бы не больше года.
А теперь уже могу надеяться даже на возвращение молодости с помощью моего напитка — думаю, такое вполне возможно.
И напоследок не удержусь от маленького каламбура: кто бы мог подумать, что жизнь есть отрицательной стороной Бытья, смерть же положительна… Вот уж действительно, пути Господни неисповедимы».
Записав всё, что хотел, великий химик Хейз Хенберн схватил со стола флакон с вожделенной жидкостью и быстрым рывком опрокинул его в себя. Жизнь, выведенная искусственным путём смешалась в Хенберне с его собственной, естественной жизнью…
Смерть наступила практически мгновенно.
Бедный старик ведь совсем забыл, что, согласно одному из основных законов алгебры, минус на минус даёт…

29.08.2010

МЕСТО НА БАЛКОНЕ

ЖЕРАР КЛЕЙН
ПЕРЕВОД И. НАЙДЕНКОВА

Земля изрыгнула ракету вместе с густыми клубами дыма. Затем наступила тишина, такая же темная и мертвая, как на обломках скал, блуждающих в глубинах пространства.
Но в ракете была заключена жизнь, и ее звуки можно было уловить. Звуки механической жизни, проявлявшейся в пощелкивании и потрескивании устройств, регистрирующих все происходящее вокруг, переговаривающихся друг с другом и с человеком при помощи световых бликов, а иногда выплевывающих яркие цветные вспышки. Наряду с ними, слышались звуки жизни людей, придавленных ускорением к сиденьям и зачарованно наблюдающих золотые уколы звезд на экранах. Время от времени они перебрасывались короткими фразами.
— Место на балконе. Кто бы мог подумать, что нам однажды достанется такое прекрасное место на балконе! Отсюда мы сможем наблюдать, как на Земле, в одной из пустынь, вспыхнут огни гигантских атомных петард. Это будет фантастический фейерверк, и мы прыгнули на Луну, чтобы наблюдать, как все заполыхает внизу под нами. Разве не забавно, что пришлось лететь на Луну, чтобы увидеть, как на Земле зажгутся искусственные звезды.
— Мы ничего особенного не увидим. Почти ничего, только небольшие искорки. Нужно иметь глаза, как у телескопа, радары вместо ушей и антенны на макушке, чтобы по-настоящему насладиться праздничными огнями. А мы всего лишь люди. Нет, мы ничего не увидим.
— Мы летим на Луну совсем не для того, чтобы увидеть что-нибудь, — мягко заметил капитан.
— Нас послали туда, чтобы зарегистрировать, как выглядят из-за пределов Земли мощнейшие ядерные взрывы. Мы должны установить на Луне аппаратуру для измерений, вычислений, экстраполяций. В конце концов, мы же не туристы. Впрочем, на Земле вряд ли найдется богач, который сможет оплатить тур Земля — Луна — Земля, чтобы полюбоваться рождественской свечкой ярче тысячи солнц.
— Но мы вполне могли бы быть и туристами, капитан. Мы ведь тоже будем просто смотреть, чтобы потом рассказывать, как для нас спалили целую пустыню. И нам придется сказать, что оттуда, сверху, из пустоты, мы ничего особенного не заметили.
— Может быть, когда-нибудь вы и сможете рассказывать свои байки. Не раньше, чем у вас отрастут длинные белые бороды, и вы будете трястись от дряхлости. Ну, а пока все засекречено самым строжайшим образом. Вы знаете правила не хуже меня.
— И что, кто-то надеется сохранить это в секрете? Разве можно помешать кому-нибудь забраться сюда или в любое другое место в космосе, чтобы оттуда наблюдать за Землей?
— Здесь никого нет и быть не может. Мы — первые люди на Луне.
— Откуда вы это знаете? Ну, ладно, людей здесь нет. А как вы помешаете марсианским астрономам навести на Землю свои гигантские телескопы и любоваться чудовищным извержением, которое способно изуродовать Землю? Можете ли вы помешать существам, парящим в пространстве неподалеку от Земли, подлететь поближе к костру пылающей материи, чтобы погреть крылышки?
Луна сверкала на экранах, словно серебряная монета. Она разогнала в стороны звезды, и теперь неслась прямо на корабль, неподвижно висящий в пространстве.
— Еще немного, и мы начнем поворот. Внимание!
— Каким коротким было путешествие! Когда мы вернемся, нам нечего будет рассказать.
«Вот и Луна, — подумал капитан.
— Луна с блестящей рожей из свежего сыра. С десятками круглых безгубых ртов. Луна, которая сегодня будет пялиться всеми своими глазами на устроенный в ее честь фейерверк…»
Ракета опустилась, подняв в безмолвии тучи пыли. Частички лунного грунта разлетелись по сторонам, описав изогнутые дугой траектории. Казалось, будто большая птица вдруг взмахнула крыльями. Потом они легко и беззвучно упали на дно моря пустоты.
Космонавты влезли в свои нелепые скафандры. Они неуклюже вышагивали в них, словно исполняя танец марионеток, которые болтались на туго натянутых упругих нитях.
— Эй, Флери, открывай люк!
«Но что ждет нас за этим люком? — подумал Флери. — Может быть, леса, которые зеленее и спокойнее всех земных лесов? Или степи с тихо журчащими ручейками? Или бескрайние пустыни? Может быть, мы очутились на дне высохшего моря? Кто поручится, что телескопы и радары не обманывали нас?
Он крутанул маховик. Послышался свист вырывающегося наружу воздуха. Он толкнул люк и увидел унылую пустыню. У него за спиной столпились товарищи. Внезапно он увидел, как по поверхности Луны промчалась световая вспышка. Светлое пятно, в котором смешались две бесплодных пустыни… Он с изумлением увидел, как на силуэты лунных цирков наложились контуры песчаных дюн. Вдали промелькнуло нечто, напоминавшее человеческий силуэт. Казалось, что человек приближался к ракете, бежал к ним, но, похоже, не видел ее. И еще он успел заметить уголок бледно-голубого неба, кусочек живого пространства в мертвом лунном небе, на котором поблекли яркие звезды. Потом появилась группа бегущих людей.
Он замахал им и закричал.
Боже мой, люди на Луне!
Воздух на Луне… На заднем плане возвышалась решетчатая металлическая башня.
Тем временем, бледная вспышка удалилась, поблекла и пропала.
— Что с тобой, Флери? Ты что, чокнулся? Или ты видел что-то?
Он замялся.
— Мне кажется, что я видел бегущих людей. И голубое небо. И еще высокую металлическую башню. Кто-то уже освоил Луну.
— Получается, что мы не первые на Луне? — пробормотал капитан.
— Неужели кто-то прилетел сюда раньше нас?
Его лоб наморщился от мысленного усилия.
Все заторопились наружу. Оказавшись на поверхности, они тут же увязли по колено в пыли. Они дико озирались, вытаращив глаза. Вытягивали шеи, едва ли не вывихивая их в попытках

заглянуть за непривычно близкий горизонт.
Вокруг ничего не было. Ни людей, ни строений.
— Тебе все почудилось, Флери. Ты так надеялся увидеть что-нибудь — вот и увидел. Куда они могли подеваться, твои люди? Они же не могли внезапно исчезнуть!
Голая равнина простиралась на пару десятков километров во все стороны. Не видно было ни холмов, ни каких-либо углублений, где можно было бы спрятаться. Только бесконечное море пыли. И лунные цирки вдали. Никаких дворцов с ярко освещенными окнами. Никаких каналов, по сверкающей поверхности которых скользят гондолы из ветра и тумана. Никаких замков с мощными башнями, за стенами которых дремлют медные пушки, просыпающиеся только в дни праздничных торжеств. Нет, Луна не такая. Это вполне заурядное место. Даже более, чем заурядное, если вспомнить, сколько планов ее поверхности было составлено, сколько карт нарисовано, сколько сделано фотоснимков. Ее поверхность старательно фиксировалась и изучалась приборами, и результаты этого изучения навсегда внедрились в извилины человеческого мозга. Поэтому Луна производила даже более бледное впечатление, чем море, увиденное впервые. Луна — это мертвое высохшее чучело, у которого давно исчез даже запах жизни.
— Они исчезли, — пробормотал Флери. — Но я уверен, что видел их. Я точно знаю, что они не почудились мне. Они были здесь, совсем близко от ракеты, и я увидел, что их озарила какая-то вспышка. Они почему-то не замечали нас, поэтому я замахал руками и закричал, чтобы привлечь их внимание. На них не было скафандров и шлемов — только голубые комбинезоны. И передвигались они не прыжками, а обычными шагами, как на Земле. Но теперь все это пропало. Пейзаж стал совершенно другим, каким вы сами видите его сейчас.
— Кто-нибудь еще видел то, о чем говорит Флери? — спросил капитан.
— Нет, — хором ответили остальные. И кто-то добавил: — Мы же стояли позади Флери, и увидели поверхность Луны через несколько секунд после него. Я заметил только облако белой пыли, промелькнувшее, словно вспышка молнии.
— Постарайтесь, чтобы вам больше ничего не чудилось, — строго сказал капитан Флери.
Они дружно принялись разгружать ракету. Распаковали и методично собрали нечто целое из тысяч металлических деталей. Смонтировали и настроили большой телескоп. Разбросали по всей равнине множество детекторов разной формы и размеров. Время от времени они останавливались и поглядывали на Землю. Та спокойно висела в пространстве, похожая на огромную спелую тыкву. Очень скоро в одной из земных пустынь должны были запалить фитили огромных петард.
— Капитан! Капитан! — испуганно прокричал кто-то. — Я что-то слышал! Какие-то странные звуки…
— Где? Что? А, это вы, Флери…
— Нет, это Лассаль. Я только что слышал что-то!
К капитану подбежал космонавт. Его лицо, покрытое каплями пота, сотрясал нервный тик. Он то и дело спотыкался, с трудом сохраняя равновесие.
— И что же вы видели?
— Нет, нет, ничего. Но я слышал что-то. Мне показалось, что позади меня кто-то насвистывает незнакомую мелодию… Я обернулся, но никого не увидел. И все равно кто-то невидимый негромко насвистывал рядом со мной.
— Похоже, это один из тех, кого видел Флери, — пошутил капитан.
— Вы и сейчас все еще слышите его?
— Нет, я вызвал вас, как только все прекратилось.
— И где вы находились в тот момент?
— Там, за ракетой.
Они направились к тому месту, огибая ракету. И, конечно, ничего не увидели, если не считать отпечатков рубчатых подошв сапог Лассаля.
— Видать, вам тоже почудилось. Видите, здесь никого нет. И не было, кроме вас.
— Нет, это мне не почудилось. Я отчетливо слышал мелодию. Я даже могу повторить ее. Раньше я никогда ее не слышал, но я уверен, что это была земная мелодия.
— Постойте-ка, ведь ваше радио было включено, не так ли?
— Оно всегда включено.
— Значит, кто-то из наших насвистывал песенку, вот вы и услышали ее.
— Нет, я ясно слышал, что звуки доносятся не из наушников. Они раздавались где-то сзади от меня.
— Пустота не способна проводить звуковые волны.
— Я знаю. Но я слышал!
— Если я выясню, что кто-то из парней насвистывал эту мелодию минут пять назад, вы мне поверите?
Лассаль на мгновение замялся.
— Может быть.
— Эй, ребята! — крикнул капитан в свой микрофон. — Прекратить работу. Всем собраться к ракете. Я должен расспросить вас.
Собравшиеся встревожено сладили за капитаном, подходившим к ракете вместе с Лассалем. Потом они переглянулись.
Высоко над горизонтом сверкала Земля, похожая на хорошо начищенную кастрюлю, висевшую на мрачной кухне пространства. Можно было подумать, что на этой кухне готовилось какое-то адское кушанье.
— Кто-нибудь опять увидел что-нибудь странное, капитан?
— Нет, успокойтесь. Просто Лассаль слышал, как кто-то свистел. Никто из вас не насвистывал что-нибудь после того, как мы вышли на поверхность?
Собравшиеся помотали головами, пожимая плечами.
Никто не насвистывал и ничего не слышал.
— Да послушайте же, вот эта мелодия! — воскликнул Лассаль. И принялся насвистывать.
— Я знаю эту мелодию! — сказал один из команды. — Я часто слышал ее на Земле. Пожалуй, даже очень часто. Я и слова помню:
«Их было четверо в ракете.
Зачем они покинули Землю?
Ведь больше нет на ней чертей,
Они теперь блуждают в пустоте
Верхом на метеорах.
Их было четверо в ракете,
Их унесло ко всем чертям,
Дрожащим в серых мерзлых шкурах,
Позеленевших от холода
Верхом на метеорах.
Зачем покинули вы Землю?
Ведь нет надежды на Луне…»

Все молча слушали. Их ноги глубоко увязли в пыли, и они походили на статуи, занесенные песком.
— В общем, что-то такое. Больше не помню.
— Вот видите, — успокаивающим тоном сказал капитан. — Раз вы знаете эту песенку, то могли насвистывать ее, не отдавая себе в этом отчета.
Все настороженно ждали ответа. Космонавт пожал плечами.
— Нет, я ничего не насвистывал. Я

уверен в этом.
— Но вы часто слышали эту мелодию на Земле. Она привязалась к вам, как это часто бывает. А здесь, в абсолютной тишине, вы невольно вспомнили ее. Человек не может долго находиться в тишине и одиночестве. Вы устали, немного нервничали. Вы и Флери.
— Но мне это не почудилось, капитан. Я уверен, что слышал насвистывание, — проворчал Лассаль.
— А я видел что-то, — добавил Флери.
— Ладно, продолжайте работать, — скомандовал капитан. — И если вы опять услышите или увидите что-нибудь странное, заткните уши и закройте глаза. Здесь Луна, а не санаторий для невротиков.
Никто не шевельнулся.
— Капитан, за всем этим что-то кроется. В происходящем нужно разобраться.
— Но разве сейчас вы что-нибудь видите? — капитан обвел рукой вокруг себя. — Вы что, полагаете, что здесь может существовать что-то живое?
Все уставились на бескрайнее море пыли, на сверкающую в небе холодную Землю, бросающую неясные отблески на далекие кратеры над которым на лишенном воздуха небосводе сверкали, словно драгоценные камни, огромные звезды.
— Капитан!
— Тихо! Да прислушайтесь же, черт возьми!
Все отчетливо услышали, как совсем рядом громко зарычал мотор. Звук пронесся у них над головой и затих где-то за ракетой.
— Это же вертолет! Вертолет на Луне! Или на этот раз мы все свихнулись…
Никто ничего не увидел в небе. Снова раздался рокот двигателя, но небо оставалось пустым.
— Это невозможно… Это призраки… Призраки…
— Нет, надо браться за работу, — встряхнувшись, сказал капитан.
— Приближается час ноль. А с этим мы разберемся потом.
— Нет, мы должны разобраться сейчас.
Никто из команды не сдвинулся с места.
— Слушайте, у меня есть идея! — воскликнул Флери. — Есть идея!
Все оглянулись на него.
— Люди, которых я видел, — продолжал он, — пустыня и все остальное — все это земное. И мелодия, которую слышал Лассаль, тоже земная. Разве это может быть миражом или призраком? Я думаю, что мы имеем дело с какой-то петлей пространства, благодаря которой это место принадлежит одновременно и Луне, и Земле. Может, именно поэтому мы видим и слышим то, что происходит где-то на Земле. Ведь пространство — это чертовски сложная штука… Почему бы оно не могло изгибаться и давать петли самым невероятным образом?
— Петли пространства? Нет, это глупости. Ну, может, такое и случается в одном случае из миллиарда. Один шанс на сотню миллионов. Давайте-ка, лучше поспешим. Назначенный момент приближается, а у нас еще не все готово.
Земля вот-вот должна была вспыхнуть. Через несколько минут ей полагалось включить все лампионы. Иллюминация в честь Луны. Может быть, через много часов с черного лунного неба на ее поверхность упадет несколько пылинок, прилетевших с Земли. Пылинок, все еще заряженных невидимым огнем, все еще насыщенных ароматами земного воздуха, воды, растений, ветра — всего того, чего Луна не знала никогда и никогда не узнает.
Они включили детекторы, навели и отфокусировали телескоп.
— Десять секунд, — сказал капитан.
Все опустили защитные фильтры на шлемах.
— Пять секунд!
Руки судорожно сжались, ноги слегка согнулись. Глаза впились в окуляры и циферблаты. Пальцы застыли на рукоятках и кнопках.
— Одна секунда!
В стороне от них над цирками расцвел огромный огненный цветок. По белесой пустыне пронеслась ослепительная вспышка. Над поверхностью Луны вырос чудовищный гриб дыма и пара. Миллионы тонн пыли устремились в небо.
Они бросились на землю, пытаясь зарыться в пыль, но гигантская рука схватила их, смяла и швырнула вверх. Они еще успели почувствовать, как их куда понесло, повлекло страшное жгучее дыхание.
Потом была топка. Доменная печь. Лица людей залили слезы, в глазах закружилось красное, фиолетовое, все цвета расплавленного металла. Голубоватый пар взметнулся столбом к самым звездам.
Когда все стихло, они медленно поднялись. Земля стала темной. В небе расплывались пыльные шлейфы. Их ракета лежала на боку, бесполезная и жалкая, словно выброшенная на мель туша кита. Прощай, Земля. Они заметались, закричали, сбились в беспорядочную группу.
Они подняли Лассаля. Пластик его шлема был разбит.
— Бедняга мертв… Все, что нам чудилось, было на самом деле. Мы не свихнулись.
— Кто говорил про балкон? Мы были не на балконе. Мы оказались прямо перед сценой.
— Бомба на Луне, — пробормотал капитан. — Атомная бомба на Луне. Нет, это невозможно.
— Петля пространства, — бросил Флери. — Земная пустыня оказалась на Луне.
Они ошеломленно уставились на ракету.
— Мы не сможем провести нужные наблюдения, — пробормотал капитан. И механически повторил: — Мы не сможем провести наблюдения… А если и сможем, никто и никогда об этом не узнает.
Опрокинутый телескоп пялился в небо слепым глазом.
— Через несколько секунд будет вторая бомба, — растерянно произнес капитан. — Она будет помощнее первой. В пятидесяти километрах к западу. Если навести телескоп на точку в пятидесяти километрах к западу от первой… Потом будет третья. Затем четвертая. Взрывы каждые двадцать пять секунд.
Они все поняли и заметались, словно перепуганные муравьи. И тут же увидели, как ослепительным огнем вспыхнула Земля. В то же самое мгновение почувствовали, как содрогнулась Луна. И еще успели увидеть, как совсем неподалеку от них вспух чудовищный огненный шар. Но в то же мгновение пламя выжгло им глаза.
«Петля в пространстве», — успел подумать в последнюю долю секунды Флери. И успел почувствовать под собой мягкий песок Земли и услышать рев обезумевшего воздуха. Потом шлем лопнул, и он и все остальные исчезли в огненном вихре.

А МОЖЕТ БЫТЬ УБИЙСТВО?

ЛОРЕНС ТРИТ
ПЕРЕВОД ART (АССОЦИАЦИЯ РИЖСКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ)

В то утро в девять часов плюс — минус несколько минут Маградер грузно поднялся по ступеням парадного крыльца и вошел в полицейский участок. Это было новое здание, построенное шесть или семь лет назад. Он до сих пор не привыкнуть к мраморным плитам на полу и полированным панелям на стенах.
Чарли, сидевший за стойкой, с улыбкой сказал:
— Доброе утро, Мак. Тебя хочет видеть лейтенант.
— Конечно,— ответил Маградер.— С утра, и в позу номер два.
— Мак!
Голос сержанта заставил Маградера замедлить шаг.
— Я заметил под его кальсонами какую-то штуку. Что-то очень большое.
Маградер нахмурился, пожал покатыми плечами и зашагал по коридору к кабинету лейтенанта. Дверь была приоткрыта. Он без стука вошел и остановился на пороге. Лейтенант, заведенный, как стальная пружина, спорил о чем-то по телефону и нервно отмахивался подбородком от своего непонятливого собеседника. Закончив разговор, он бросил трубку на рычаг и пнул ногой корзину с мусором. Она пролетела через комнату, с громким стуком ударилась о стену и откатилась обратно к столу. На пол вывалилась куча окурков, разорванных бумажных конвертов и смятых полицейских бланков.
— У нас проблемы, — проворчал лейтенант.
Он передал Маградеру отчет медицинской экспертизы, в котором говорилось о некой Мэриен Рид.
— Я думал, мы с этим уже разобрались, — сказал Маградер.
— Что за дела? Ее муж подписал признание. Разве этого не достаточно?
— Нет. Сегодня утром он пошел в отказ. Якобы не знал, о чем говорилось в документе. Парень клянется, что подписал признание под принуждением, и его слова подтверждает синяк под глазом.
— Мы сообщали вам о синяке, — ответил детектив. — При аресте Рид оказал сопротивление, и я его немного успокоил. Сид может подтвердить.
— Это не проблема, — произнес лейтенант. — С окружным прокурором я договорюсь, но что мне делать с экспертизой? В отчете сказано, что женщину никто не убивал. Она погибла от отравления газом. Врачи считают, что Мэриен скатилась с постели и в конвульсиях разбила себе голову. Вот, почитай!
Маградер взглянул на отчет судебной экспертизы. "Множественные ушибы… паутина капиллярных сосудов красно-вишневого цвета… карбоксигемоглобин сорокапроцентной концентрации… тест Ван Слайка… Заключение: удушье от газа; вероятным источником может являться неисправный холодильник.
— Я по поводу ее ушибов, — заметил детектив. — Здесь говорится, что некоторые из них могли быть получены за двенадцать часов до смерти.
— От синяков не умирают. Разве это не понятно?
— Я бы так не сказал.
— А я говорю, — ответил лейтенант. — Мы арестовали ее мужа. Невинного человека! Мы обвинили его в преступлении и силой заставили признаться в этом. Представляешь, какой шум поднимут газеты?! Верховный комиссар уже давит мне на горло и говорит, что нам от этого дела не отмазаться. Он собирается довести его до конца.
— Да уж, — проворчал Маградер.
— А Сид знает?
— Еще нет. Он наверху. Я решил спустить пар на тебе. Ты к этому относишься спокойнее.
— Спасибо, — сухо ответил Маградер. — Значит, во всем виноваты мы с Сидом?
— Я за своих людей горой, — сказал лейтенант. — Но мы должны что-то сделать. У парня в доме сломался холодильник, а мы сажаем его за убийство!
Маградер потер ладонью щеку и почувствовал небольшой участок щетины, который пропустила бритва.
— Рид был в той же комнате, что и его жена, — сказал детектив.
— Почему же он не загнулся от удушья и не облегчил нам нашу жизнь?
— Судмедэксперт говорит, что люди реагируют на отравление по-разному. Он изучил план квартиры и заявил, что концентрация газа в противоположных частях комнаты могла сильно отличаться. По его мнению, Рид находился какое-то время в бессознательном состоянии, на что указывают типичные симптомы отравления — общее замешательство и потеря памяти. Парня отправили в госпиталь на обследовании. Возможно, у него сотрясение мозга.
— А кто-нибудь осматривал их холодильник?
— Нет. В квартиру никто не заходил. Мы поставили у дверей полицейского.
— Тогда я возьму Сида и поеду туда. Возможно…
Маградер порылся в уме, но не нашел подходящей мысли.
— Возможно, что? — спросил лейтенант.
— Ничего. Только зачем он избивал ее? Если это несчастный случай, то какой-то очень подозрительный.
Помолчав, он небрежно добавил:
— Жаль, что нам не на кого его повесить.
Лейтенант угрюмо хмыкнул. Пару секунд они молча смотрели друг на друга, размышляя об одном и том же. Если бы нашелся козел отпущения, которому можно бы было вывернуть руки и пришить это дело, как убийство, то они сорвались бы с крючка комиссара. И они могли бы так поступить. Но, конечно, не стали бы. Они были честными копами и приличными людьми. Они не сажали людей по ложным обвинениям и не фабриковали доказательств. Однако мысль о подобной возможности промелькнула в их умах, и они ее устыдились.
— Дай знать, если что-то проклюнется, — сказал лейтенант.
— Как только, так сразу, — ответил Маградер.
Он повернулся, вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. Подмигнув сержанту за стойкой, детектив поднялся на второй этаж в комнату оперативной группы. Сид Кохаски уже ждал его там.
— У нас проблема, — сказал Маградер. — По поводу Рида. Я обо всем расскажу по дороге.
Машину вел он. Ему это нравилось. Сид сидел рядом и нетерпеливо подергивал коленом. В отличие от напарника он пылал от справедливого гнева. А Маградер

и усом не вел. Он был стариком по меркам копов. Пятидесятилетний, большой и медлительный детектив, седой и немного усталый. Сид — высокий, шустрый и стройный парень — год назад закончил полицейскую академию. Он был честолюбив, но опыта ему не хватало. И он набирался его у Маградера.
— Мы где-то облажались, — сказал Сид. — Но ведь и на старуху бывает проруха. Ты думаешь, мы найдем что-то новое?
— Возможно, ничего, — ответил Маградер.— Однако попробовать стоит. Давай, шевели мозгами. Мы ничего не упустили?
Это случилось вчера. Утром их отправили на инвентаризацию имущества, похищенного из ювелирного магазина. Когда они закончили опись и, сев в машину, начали укладывать в папки заполненные формы, раздался вызов. В квартире 4е по адресу Норт-Вайтмен, дом 1829 была обнаружена мертвая женщина. На месте происшествия находился патрульный полицейский. Он ждал оперативную группу, поэтому детективы направились туда.
Указанная квартира располагалась в пятиэтажном кирпичном здании, построенном сразу после войны. Лифта не было, и Маградер с трудом поднялся по лестнице на четвертый этаж. Сид следовал за ним, едва сдерживая свое нетерпение. Перед дверью квартиры 4е стоял патрульный Джо Чемберс. Рядом топтались молодой темноволосый парень и толстяк в дурацком берете.
— Это они обнаружили тело,— сказал Джо и, представляя свидетелей, указал на толстяка.
— Джордж Эльвин, управляющий домом. А это мистер Беллини из бюро ремонта холодильных установок. Он пришел что-то починить, и мистер Эльвин впустил его в квартиру. Они ничего не трогали — только задели свисавший край одеяла и случайно сдернули его. Вот так они и увидели труп под кроватью. Иначе бы ничего не заметили.
Маградер осмотрел свидетелей. Они выглядели немного сердитыми, словно недавно поссорились друг с другом.
— Кто она? — спросил он у управляющего домом.
— Мэриен Рид, — дребезжащим голосом ответил толстяк. — Ее муж работает водителем грузовика. Наверное, сейчас где-то в рейсе.
— На какую фирму он работает?
— У меня внизу есть адрес. Если хотите, я принесу.
— Попозже, — сказал Маградер.
Повернув ручку шлепера, детектив толчком открыл дверь.
— За дело, Сид, — произнес он, входя в комнату.
Это была большая однокомнатная квартира, с отделенным альковом для кухни. Двуспальная кровать стояла у задней стены. Постельные принадлежности были смяты; кресло — опрокинуто. Рядом валялась пустая бутылка. Из-под кровати торчала голая нога. Синее одеяло, прикрывавшее труп, было откинуто на журнальный столик. Почувствовав неприятный запах, Маградер поморщил нос.
— Открой окно, — сказал он напарнику и склонился для осмотра тела.
Чтобы рассмотреть труп женщины, ему пришлось опуститься на четвереньки. Розовая, с оборками, ночная рубашка была порвана на груди и приоткрывала синяки на теле. Судя по всему, хозяйка квартиры недавно получила хорошую взбучку. У виска виднелась свежая рана. Маградер осмотрелся по сторонам. В трех шагах от него находился шкаф, на дверной ручке которого виднелась кровь. Детектив подумал, что найдет там несколько белокурых волосков. Так оно и оказалось.
Пока он, морщась от боли в суставах, ползал на коленях, из коридора доносились звуки спора. Ремонтник требовал оплату за вызов, а управляющий домом отказывался платить ему по той причине, что парень ничего не сделал. Очевидно, они спорили об этом и раньше, однако никто из них не хотел уступать. Маградер сделал в уме заметку выяснить причину вызова молодого монтера. Прислушиваясь к голосам за дверью, он почувствовал сонливость. Странная слабость ему не понравилась. Детектив потер лоб, осторожно выпрямил спину и медленно поднялся на ноги.
— Сид, скажи Джо Чемберсу, чтобы он передал сигнал четыре-восемь. Это было сообщение для вызова экспертов, криминалистов и большого начальства — сигнал для запуска того мудреного механизма, который начинал работать при убийствах.
— Давай сюда свидетелей. Управляющего первым.
— Понятно, — ответил Сид. — Ты думаешь…
Он замолчал. Наверное, в академии его учили не делать поспешных выводов до того, как следствие не прояснит все обстоятельства дела.
— Сейчас, — сказал он и вышел в коридор.
Маградер прошелся по комнате, осматривая каждый уголок. У него болела голова, и детектив с трудом заставлял себя концентрировать внимание. На столе лежала смятая накладная из "Экми Экспресс". Подпись заменяли инициалы "Г.Р.". Очевидно, Рид работал в "Экми". Маградер переписал адрес фирмы в блокнот и отправился на кухню. Между горкой немытых тарелок и осколками двух разбитых стаканов стоял высокий фужер, из которого пахло разбавленным виски. Кто-то не допил свою порцию, и кубики льда расплавились. Газовый холодильник был отодвинут от раковины и стены. В уме детектива сложилась версия. Дело казалось ясным, и оставалось лишь уточнить детали.
Сид ввел в комнату управляющего. Маградер грузно подошел к свидетелю. Тот смущенно поправил берет и уставился на голую ногу мертвой женщины, словно не мог отвести от нее взгляд.
— Какие проблемы с холодильником? — поинтересовался детектив.
— Миссис Рид говорила, что он пропускает газ, — ответил управляющий. — Но вам лучше спросить об этом монтера. Он специалист и скажет точнее.
— То есть, он его уже осматривал?
— Да, вчера, пока меня не было.
— Вы куда-то уезжали?
— К сестре. Она живет за городом. Я провел у нее ночь и вернулся сегодня утром.
— Вы часто ее навещаете? — спросил Маградер.
— Да, особенно в последнее время, — ответил управляющий. — Два месяца назад от меня ушла жена. Я не привык быть один и от тоски начал ездить к сестре.
— Если монтер починил холодильник вчера, то зачем он приехал сюда сегодня?
— Говорит, что хотел убедиться в исправности. Он постучал в дверь, но ему никто не ответил. Тогда он позвал меня, я поднялся с ним наверх и открыл дверь запасным ключом.
Его глаза забегали по сторонам.
— Мы тут же вызвали полицию.
— А Риды ладили между собой?
— Не знаю. Они были тихими жильцами.
— Когда вы видели их в последний раз?
— Ее… живую? — спросил управляющий. — Не помню. Но странная вещь! Когда я вернулся от сестры — а это было около десяти часов утра — то мы встретились с мистером Ридом

на аллее. Он шел к автобусной остановке, как будто ничего не случилось.
— Да уж, — произнес Маградер, потирая лоб.
В его голове клубился туман. Боль в висках была невыносимой.
— Сид, у тебя есть вопросы?
Кохаски кивнул и спросил управляющего:
— Как зовут вашу сестру?
Записав ее фамилию и адрес, он удовлетворенно хмыкнул. Затем детективы беседовали с монтером Беллини. У него были глаза Ромео. Маградер уловил нервозность парня и насел на него не на шутку:
— Чем вы вчера здесь занимались?
Взгляд Беллини уперся в ковер.
— Я чинил холодильник, — угрюмо ответил он.
— А потом решили починить хозяйку? — спросил Маградер.
Монтер еще ниже склонил кудрявую голову.

— Как долго вы здесь находились?
Беллини пожал плечами и переместил вес тела с одной ноги на другую.
— Я могу узнать это у вас на работе, — сказал детектив. — Диспетчер ведет регистрацию. Отвечайте! Как долго?
— Возможно, час, — промямлил Беллини с такой гримасой, как будто эти слова вызывали в нем колики.
— Возможно, час, — с задумчивым видом повторил Маградер. — А вы всегда возвращаетесь к клиентам на следующий день, чтобы проверить свою работу? Это правило или исключение?
— Я хотел убедиться в исправности.
— Холодильника или хозяйки квартиры? — съязвил детектив, провоцируя монтера.
Беллини сердито поднял голову.
— Вы зря на меня наезжаете, мистер, — ответил он. — Мне хватает проблем с этим скрягой-управляющим, который не хочет платить по квитанции. Из-за него я потеряю дневную выручку.
— Давайте разберемся с сегодняшним днем, — оборвал его Маградер. — Где вы уже успели побывать, прежде чем пришли сюда?
— Я, как обычно, вышел из дома в семь тридцать, заглянул в мастерскую и перед тем, как направиться к миссис Рид, сходил на два вызова.
Маградер повернулся к Кохаски и сказал:.
— Давай, лучше подождем в коридоре. Проверим их алиби позже.

Когда Сид закончил оформлять показания свидетелей, прибыл лейтенант. Криминалисты приступили к фотосъемке и снятию отпечатков. Чуть позже подъехали судмедэксперт и помощник комиссара. Маградер доложил им предварительные итоги следствия. Судмедэксперт осмотрел кровать и решил, что женщина умерла, ударившись виском о металлическую раму. Хотя этот удар мог быть нанесен и намеренно. По мнению врача, смерть наступила рано утром — между полуночью и шестью часами. Позже, после вскрытия, он установил, что это произошло около четырех часов утра.
— Похоже, Рида надо брать, — сказал лейтенант.
Для такого вывода большого ума не требовалось. Все говорило о том, что Рид сначала избил, а потом убил свою жену. Возможно, из-за того, что узнал об ее измене.
— Сделаем так, — продолжал лейтенант. — Я поручу ребятам проверить алиби управляющего и, как его там…
— Беллини,— подсказал Маградер.
— Да, Беллини. Вы с Кохаски поезжайте в гараж "Экми" и возьмите Рида. Попытайтесь его расколоть. Мне кажется, он признается с ходу. Скорее всего, парень еще не знает о том, что тело уже найдено.
— Я тоже так думаю, — сказал Маградер. — На работу он пошел для того, чтобы не вызвать подозрений. А за трупом планировал вернуться вечером. У него есть грузовик. Стянул бы тело вниз, отвез его куда-нибудь и заявил в полицию об исчезновении дорогой супруги.
— Точно, — согласился лейтенант. — Если он появится здесь, я о нем позабочусь. А вы езжайте в гараж.
Маградер и Сид направились к выходу, и впервые в жизни старому детективу показалось, что ступеней у лестницы стало больше, чем было.
— Черт! Как болит голова,— сказал он, потирая лоб.
В то время Маградер еще не знал, что в этом деле фигурировала утечка газа. На свежем воздухе боль прошла, и когда они подъехали к "Экми Экспресс", детектив почувствовал себя нормально.
Бюро перевозок больше походило на гараж со складом, где хранились грузы и тара. У ворот располагался маленький офис, в котором диспетчер гонял мух и большую часть дня ничего не делал. Это был разжиревший коротышка, от лени не пожелавший даже оторвать свой зад от стула. Но, узнав, что у Гарри Рида возникли проблемы, он тут же оживился.
— Лично меня это не удивляет. Наверное, опять натворил что-то по пьянке?
— Откуда вы знаете, что он вчера пил? — спросил Маградер.
— Видели бы вы, с каким похмельем он пришел сегодня утром. Опоздал на час, а потом едва выехал задом из гаража. Должно быть, нализался прошлой ночью.
— А с ним такое часто бывало? — спросил детектив.
— Да все они алкоголики проклятые. С ума могут свести своими пьянками.
— Я спрашиваю о Гарри Риде, — повысил голос Маградер. — Вы часто видели его пьяным?
— Иногда случалось, — ответил диспетчер.
Он просто не мог сказать о коллеге что-нибудь хорошее и помочь ему в беде.
Детективы вернулись в машину, которая стояла на другой стороне улицы. Ждать пришлось долго. Они поговорили о работе и сотрудниках, потом о кулинарии и блюдах, а затем Маградер рассказал о копе по фамилии Патнам — человеке, обладавшем феноменальной памятью. К примеру, он запоминал любые цифры и мог перечислить номера украденных машин, проходивших по сводкам. Шли годы, а он их помнил. Время от времени другие копы в шутку проверяли его память, но он никогда не ошибался. Патнам проработал в департаменте десять лет и не нашел ни одной украденной машины. Ни одной.
Около четырех часов дня в гараж въехал грузовик с помятым передним бампером. Водитель, большой широкоплечий парень с мощной шеей и излишками плоти, был одет в засаленные брюки и куртку с молнией. Коротышка дал копам знак. Детективы вышли из машины и направились к гаражу. В это время Рид осматривал бампер и переднюю защитную решетку. Оправдываясь перед диспетчером, он рассказывал, что ему сегодня не везло. Такого никогда не случалось прежде. Возможно, что-то с рулевыми тягами. Иначе как бы еще он мог съехать с трассы и сбить гидрант? Конечно, было виновато рулевое управление.
Маградер перебил его.
— Вы Гарри Рид? Мы хотим побеседовать с вами.

Он показал полицейский значок. Диспетчер не возражал — это дело его не касалось. Но Рид был на взводе, и позже сам осложнил ситуацию. Детективы отвели его к своей машине, поставили у двери и учинили ему допрос.
— Вы же знаете, почему мы здесь, — произнес Маградер. — Лучше скажите правду. Это облегчит вам участь.
Рид удивленно заморгал. У него были темные, глубоко посаженые глаза. Вокруг них виднелось множество маленьких шрамов, словно он провел несколько лет на ринге.
— Вы говорите о прошлой ночи? — спросил Гарри Рид. — И что я натворил?
— Вы убили свою жену, и мы хотим знать, почему вы это сделали? За что?
— Я? Мэриен? — взревел мужчина.
— Да как вы смеете…
Его глаза стали маленькими и недоброжелательными, а левый хук оказался таким быстрым, что Маградер пропустил удар и от боли в ребрах попятился назад, проклиная себя за медлительность реакции. Прежде чем Рид нанес второй удар, Сид схватил его руку и попытался вывернуть ее. Маградер бросился на помощь. Рид нырком ушел от его бокового удара, но второй прямой угодил ему в глаз. Гарри отлетел к машине, ударился затылком о стойку двери и вяло покачал головой.
— Итак? — сказал Маградер.
Его ладонь легла на рукоятку пистолета, но он не стал вынимать оружие из кобуры.
— Чертова шлюха, — прохрипел Рид. — Из-за нее я все время теряю контроль над собой.
— И поэтому вы ее убили?
— Не надо так шутить, — огрызнулся мужчина. — Это не может быть правдой.
Два копа переглянулись, и Рид вдруг всхлипнул.
— Я не знаю, что со мной происходит, — пожаловался он, осматривая свои кулаки. — Руки стали медленно работать. Три года назад я уложил бы вас за одну секунду.
— Как свою жену?
— Где она? — спросил Рид. —Опять удрала с кем-то?
— Расскажите нам о прошлой ночи, — произнес Маградер.
— Я ничего не знаю. Ничего не помню. Когда пришел домой, мы выпили… Бутылку, кажется. Утром я проснулся с ужасным похмельем. Меня никогда так не мутило от одной бутылки.
— Может, где-нибудь добавили?
— Наверное, — согласился Рид. — Я проснулся одетым и в кресле. Было почти десять часов утра. Я даже завтракать не стал. Просто умылся и пошел на работу.
— А ваша жена?
— Я ее не видел. Наверное, эта стерва подсыпала мне в виски порошок.
— Нет. Вы сначала поругались с ней, потом швырнули ее на пол, и она ударилась виском о дверную ручку шкафа.
— Не может быть! Хотя не знаю. Я ничего не помню.
— Поехали в участок, — сказал Маградер. — Посидим там спокойно, поговорим…
Детективы были разочарованы. В машине Рид немного поплакал, потом оживился и даже немного посмеялся. Никакой истерики — просто его забавляло то, как быстро жизнь может сойти с колеи и слететь под откос.
Приехав в участок, они провели его в комнату для допросов и приступили к работе. Лейтенант помогал, чем мог. Он уже имел предварительные данные медицинской экспертизы. Мэриен Рид была убита около четырех часов утра. Предполагаемой причиной смерти считались удары об дверную ручку шкафа и металлический остов кровати. Однако вскрытие еще не проводилось.
Рид продолжал настаивать, что ничего не помнит. Но всем было ясно, что это он убил жену во время пьяной ссоры.
— Вы когда-нибудь избивали свою супругу прежде? — спросил Маградер.
— У меня горячий нрав. Я быстро завожусь, а она крутила с кем-то шашни. Мне об этом не раз намекали.
Рид закачался на стуле и поморщился, словно от боли. Его взгляд стал пустым и безразличным.
— Конечно, я поколачивал ее иногда для науки, но не сильно. И по голове никогда не бил.
Маградер повернулся к Сиду.
— Парень расстроен, и ему сейчас не до нас. Лучше напечатай признание. Мне кажется, он его подпишет.
Сид вкратце изложил на бумаге суть событий, вставил строку о признании вины и дважды прочитал документ ошеломленному Риду. Тот безропотно поставил свою подпись, после чего оба детектива отправились по домам. Все это происходило вчера, а теперь два копа мчались на место преступления, припоминая события минувшего дня.
— Надо провести опрос соседей, — сказал Маградер. — Мне хочется узнать, какие странности видел каждый из них. Это может помочь.
Они провели обход квартир — звонили в двери и выискивали тех, кто недавно видел Ридов. Оказалось, что никто их не видел. Затем копы опросили продавцов ближайших магазинов, однако и это ничего не дало. В конце концов, они добрались до аптекаря.
— Да, она заходила, — ответил тот. — Миссис Рид была чем-то расстроена и, я бы даже сказал, напугана. Она попросила какую-нибудь мазь от синяков.
— Когда это было? — спросил Маградер.
— Позавчера. После обеда.
— Как она была одета?
— На ней был плащ. Она застегнула его на все пуговицы и придерживала ворот рукой. И еще она едва не плакала, когда говорила со мной.
Маградер усмехнулся и, поблагодарив аптекаря, вышел на улицу. Он потер челюсть, пытаясь вспомнить, на какой скуле осталось пятно щетины.
— У меня такое чувство, что мы где-то рядом, — сказал он.
Сид вскинул голову. Он слышал об этих предчувствиях Маградера и теперь, глядя в лицо наставника, ожидал каких-то объяснений.
Но старый детектив лишь потер другую скулу и посмотрел на окна четвертого этажа. Он с грустью подумал о сотне ступеней на чертовски длинной лестнице, и с его губ слетел печальный вздох.
— Придется подниматься.
Коп у двери сказал им, что газ отключили. Детективы вошли в комнату. Окна были открыты настежь. Поверхности стола, холодильника и косяка были посыпаны тальком для снятия отпечатков. Кровать разобрали на части — возможно, для тщательного осмотра. На полу мелом был обведен контур тела. В остальном, квартира выглядела так же, как вчера.
— Красивый ковер, — сказал Маградер. — Смотри, какая густая шерсть. Пощупай.
Сид вежливо потыкал ворс ботинком.
— И что? — спросил он.
— Ничего, — ответил Маградер. — Просто ковер хороший.
Затем, словно взорвавшись, он вскричал:
— Нет, ты только подумай! По словам экспертов, Рид пришел

домой, выпил с женой по паре бокалов, поужинал, приговорил бутылку и отправился спать.
Все это время они вдыхали газ. Им стало плохо, и они потеряли сознание. У женщины начались конвульсии. Она скатилась с кровати, несколько раз ударилась головой о металлические предметы и умерла. А ее муж находился в кресле и поэтому отделался продолжительным обмороком. На утро ему каким-то образом удалось прийти в себя. Выйдя на свежий воздух, он восстановился, но теперь не может ничего вспомнить и, возможно, никогда уже не вспомнит тот вечер.
Для Маградера это была большая речь, и он вряд ли бы обратился с ней к кому-нибудь другому. Только к Сиду. После этих слов на душе у него стало легче. Он прошел в ванную комнату и нашел тюбик с мазью, которую Мэриен Рид купила в аптеке. Затем он начал рыться в шкафу, осматривая каждый наряд. Вытащив зеленое платье, он взял его за плечики и гордо сказал:
— Смотри!
Платье было порвано спереди, и на нем отсутствовало несколько пуговиц.
— Она пережила плохое свидание с каким-то типом, — предположил детектив. — И после драки пошла в аптеку. Фармацевт говорил, что женщина находилась в состоянии потрясения.
— А тот, кто напал на нее, испугался, что она расскажет о нем полиции и мужу, — добавил Сид. — Рид убил бы любого, кто попытался бы изнасиловать его жену.
— Не так уж и трудно пробраться в их квартиру, — сказал Маградер. — Надо было только дождаться, когда хозяева уйдут из дома. Ромео мог отжать язык замка. А у толстяка-управляющего имеется ключ.
— Но это мог быть несчастный случай, — возразил ему напарник.
— И даже если женщину убили, как мы найдем того, кто испортил холодильник?
— Да, вряд ли у нас что-нибудь получится, — согласился Маградер.
— Давай для начала тряхнем управляющего.
Оказалось, что управляющий в это время обедал в своей подвальной квартире. Визит детективов немного напугал его, и он принял их с нескрываемым раздражением.
— Такие события приносят месту плохую славу, — посетовал толстяк. — Кто теперь захочет жить в квартире, где супруг убил свою жену?
— А Рид ее не убивал, — сказал Маградер. — Она погибла от удушья. Из-за холодильника.
— Час от часу не легче, — угрюмо ответил управляющий.
— Неисправный холодильник! Никто не пойдет в такую квартиру. Люди будут бояться повторения несчастного случая.
— Это был не несчастный случай, — возразил Маградер. — Кто-то изменил регулировку газовой форсунки. И надо сказать, что этот человек разбирается в холодильниках.
Толстяк поправил берет на голове и изумленно спросил:
— Так значит, Беллини? Неужели, парень чокнулся?
— А кто сказал, что это был Беллини? — ответил детектив.
— Но больше некому!
— А вы?
Управляющий сдавленно хрюкнул, словно его ударили ногой по отвисшему животу. Он поджал губы и возмущенно сказал:
— Я ее почти не знал. Мы с ней даже не разговаривали.
— Разговаривали, — заявил Маградер. — Ваша жена ушла от вас. Вам было одиноко, а наверху жила привлекательная особа. Вы догадывались, что она не слишком строго соблюдала верность мужу, и попытались овладеть ею — сначала вежливо… потом силой. Но ничего не получилось. Оказавшись в дерьме и испугавшись хорошей трепки, вы изменили регулировку холодильника и уехали на ночь к сестре. Я представляю, как вы удивились, когда увидели Рида на автобусной остановке.
— Вы, что, сошли с ума?! — закричал управляющий. — Я не входил в их квартиру!
Маградер с трудом сдержал улыбку. Дружески кивнув, он быстро вытянул руку и сорвал берет с головы управляющего. Царапины от ногтей на висках и лысом затылке были свежими и ярко-красными.
— Ох, как она вас отделала! — заметил детектив. — Я знал, что такая женщина, как она, должна была дать настоящий отпор.
— Я поскользнулся в душевой, — попытался оправдаться управляющий. — Оцарапал голову о стену. А если кто-то и напал на миссис Рид, то это был Беллини. Точно! Он ведь еще тот проныра.
— Такой красивый парень? Нет! Она была бы для него простой задачей. Не то, что вы!
Маградер скривился и фыркнул, провоцируя управляющего.
— Какая женщина запала бы на вас?
— Допустим, вы правы, — с обидой ответил толстяк. —Допустим, я действительно пытался склонить ее к сексу. Ну и что? Она же умерла не от этого, верно? Она погибла оттого, что Беллини плохо починил холодильник.
— И поэтому вы отказались платить ему? Но он производил ремонт позавчера, когда вас здесь не было. Вы вернулись от сестры на следующий день, не так ли? Откуда же вы узнали, что холодильник по-прежнему неисправен?
— Мне об этом сказал Беллини.
— Нет, это вы испортили холодильник, — произнес Маградер. — И мы без труда докажем данный факт по отпечаткам пальцев. Если вы хотите облегчить свою участь, то лучше расскажите нам обо всем, что случилось.
Детективам потребовалось около двух часов, чтобы выбить из него признание. Среднестатистическое время, подумал Маградер. Вполне обычное для таких простых и рутинных дел, как это.